

РОМАН БУЛГАР

Пропавшее кольцо императора

III. ТАТАРЫ, КОТОРЫЕ МОНГОЛЫ

Роман Булгар

**Пропавшее кольцо императора.
III. Татары, которые монголы**

«Издательские решения»

Булгар Р.

Пропавшее кольцо императора. III. Татары, которые монголы /
Р. Булгар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834243-1

Одни ошибочно называли их татарами, другие — монголами. Жили они в Великой степи среди многочисленных народов: найманов, меркитов, кераитов, о которых нынче никто и не помнит. А монголы свой след в истории оставили. Все помнят Чингисхана. Орда Чингисхана — где ее истоки и корни, кто создал ее, откуда она взялась, откуда она пришла на земли булгар, на берега Волги и Камы, а следом двинулась и на Русь? Продолжение романов «Хождение в Великие Булгары» и «На руинах империи гуннов».

ISBN 978-5-44-834243-1

© Булгар Р.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Неведомый народ	6
Глава I. Начало рассказа	6
Глава II. Среди лесного народа	18
Глава III. Тракта́т об устройстве государства	33
Глава IV. На берегу реки Орхон	44
Глава V. Дух пустыни	58
Глава VI. Рыжий пес	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пропавшее кольцо императора III. Татары, которые монголы

Роман Булгар

Фотограф Валерий Долженко

© Роман Булгар, 2017

© Валерий Долженко, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4483-4243-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Неведомый народ

Глава I. Начало рассказа

Багрово-красный солнечный диск, докатившись до верхушек высоченных сосен в самом дальнем урмане, облегченно скрылся за низко стелющимися кучевыми облаками, что накрыли половину поблекшего к вечеру небесного свода, расчерченного узкими расходящимися полосками.

– Солнце зашло! – бодро доложил наблюдатель.

– Ворота на запор! – угрюмо рявкнул начальник караула.

Уходящее за едва виднеющийся вдаль зеленеющий холм небесное светило дало четкий сигнал, и бдительные стражи принялись отгонять от ворот зазевавшихся путников и любопытных зевак.

– Пошел! Пошел! – грозились стражники короткими копьями.

– Прочь! Прочь! – выкрикивали они.

– Тукта! Постой! – умолял стражей торговец в длиннополом халате. – Моя лошадь одним ухом уже прошла в город!

– Ха-ха!

– Ты со вторым ухом приходи поутру!

– А мы первое постережем!

– Ха-ха...

Поворотный механизм со скрежетом поднял откидной мостик через глубокий ров, наполовину заполненный мутной водицей, из которой проглядывались острые концы заглубленных на дне деревянных колов.

– Ворота на запоре! – облегченно выдохнул дюжий воротник.

– Смена! – распорядился начальник стражи.

Невозмутимые караулбаши с загоревшими до черноты лицами деловито меняли на высоких башнях подуставших часовых.

– Слава Аллаху! – громко выдыхали сменившиеся вои.

Выжаренные на знойном солнце стражи спешили на заслуженный отдых, предвкушали удовольствие от сытного ужина и последующих за ним сладких мгновений столь желанного отдыха и бодрящего сна.

От одной островерхой деревянной башни к другой, перекатываясь и переливаясь, понеслись вдаль по всей крепостной стене разноголосые переκληки воинов, заступивших на охрану тишины и покоя их города.

Вооруженные с ног до головы часовые, в кожаных доспехах с тускло поблескивающими металлическими пластинками, зорко оглядывали все крепостные стены, посматривали на то, что творилось под ними.

– Тишина и порядок! – грозно прокричал ретивый страж.

Не успевшие к закрытию ворот внешнего города путники, горестно воздевая вверх изнеможенные в тяжелой работе руки, всемерно укоряя себя за медлительность, щедро проявленную в пути, неповоротливость и нерасторопность, отворачивали в сторону.

– О, Аллах! – ворчали они и принимались огорченными глазами искать подходящее место для ночлега под открытым небом, ибо если бы они немного поспешили, то не оказались бы за воротами.

– О, Аллах! За что ты наказал нас, лишив остатков разума?

– Аллах наказал нас за грехи наши!

– У, зараза! – огорченный селянин от досады громко крикнул.

– И все из-за вас! – наперебой ругались пастухи.

До жути крикливые, юркие и чрезвычайно подвижные погонщики скота изрыгали из своих натруженных за долгий путь глоток проклятия в адрес бессловесной скотины, из-за упрямства и бестолковости которой они не успели пересечь закрывшиеся прямо перед их носом ворота.

– Пошел! Пошел! – завопили погонщики.

Они защелкали сплетенными из кожаных ремешков плетями, больно ожигая подвернувшиеся под их горячую руку бока животных.

– Пошел! Пошел! – разорялись погонщики.

Они отгоняли подальше в открытое поле свои истошно мычащие стада коров, требующих вечерней дойки, невозмутимо жующих волов, блеющих на все голоса отары баранов и мекающих коз с длинными нечесаными бородами и густой, свисающей до самой земли шерстью...

На землю стремительно опустились серые сумерки. Они запросто растворили в себе все длинные полутени, отбрасываемые деревьями, высокими строениями и торопящимися вернуться домой, суетливо спешащими прохожими.

– Заканчивай! – понеслось со всех сторон.

Многочисленные мастеровые и ремесленники, кто с облегчением, а кто и с видимым сожалением, прекращали работу, невыполненную ее часть оставляли на следующий день.

– Будет день, будет пища...

– Утро вечера мудренее...

Остановились, замерли в своем последнем скрипе, словно жалуясь на скопившуюся за день усталость, тяжелые гончарные круги.

– Работа не волк, в лес не убежит...

– Сколько ни упирайся, всего не переделаешь...

Померцав, потухли веселые огоньки в тех печах, где выплавлялось железо. Перестали стучать по наковальням маленькие молоточки и огромные молоты. Отложили на время в сторону свои орудия труда и изготавливаемые ими изделия ювелиры, лудильщики и чеканщики...

В небольшой кузне, освещаемой неровным пламенем светильников, несмотря на поздний час, неустанно стучал молоточком бронзовых дел мастер по имени Булат.

– Глаза боятся, а руки делают... – изредка приговаривал кузнец.

Работа настолько захватила его, что он давно перестал следить за ускорившим свой бег неуловимым временем. А его, времени, осталось совсем мало. Через день за срочным заказом придут, а у кузнеца почти ничего не готово. Конечно, он был безмерно горд тем, что изготовление височных украшений для любимой племянницы булгарского эмира Ильхама поручили именно ему, а не кому-то другому.

Высокую честь оказали ему. Признали его мастерство. Работу его хорошо оплатят. В том случае, если он с нею справится.

– Да... – вздохнул Булат, – не сесть бы в лужу...

Не хотелось ему ударить в грязь лицом, а потому мастер несколько дней потратил на то, чтобы придирчиво просмотреть и тщательно оценить дивные драгоценные изделия, изготовленные задолго до него.

Много часов провел он в мучительных раздумьях, рисуя угольком на стене, а опосля вычерчивая эскиз острым калямом на бумаге...

Рядом с мастером крутился парнишка, помогал своему дяде, подавал ему нужный инструмент, временами и сам постукивал молоточком.

Отвлекшись на мгновение, Заки в желтом пламени, отбрасывающим на закопченные стены кузни сказочно причудливые качающиеся тени, увидел милое лицо любимой девушки. Нахлынувшие воспоминания, будоражащие воображение, увлекли его на городскую стену...

...Прилетевший с реки прохладный ветерок зашевелил завитком шелковистых волос возле нежного девичьего ушка, и парень обмер от охватившего его умиления. Не сдержавшись, он потянулся к ней.

– Гюль, я... я люблю тебя, – шепнул он, касаясь горячими губами шелковистой девичьей кожи, и жаркой краской вспыхнул всем лицом.

Легким дуновением теплого ветерка коснулось его едва слышимое девичье дыхание. Парень замер, чувствуя, как по всему телу пробежала волнительная и зажигающая искра. Ему так захотелось сделать для нее что-то такое, что доставило бы девушке огромную радость, к примеру, подарить ей сделанное его собственными руками украшение.

Легкая тень набежала на прекрасное в своей юности личико Гюль.

– Ох! – девица тяжело вздохнула.

Глаза ее затянулись прохладной пленкой непонятной отчужденности и, темнея, построжали.

– Я боюсь, – проговорила она, скользнув по парню отсутствующим взглядом, – что мы с тобой повстречались не в добрый час.

– Да-да, – не до самого конца понимая всей тревоги своей подруги, игриво усмехнулся Заки, – мне было вовсе не до шуток. Мне казалось, что вся жизнь моя повисла на тонком волоске, что крепко держала в своих руках твоя госпожа, раздумывая над тем, отпустить меня или же передать в суровые руки безжалостного кади...

Совсем немного дней прошло с того самого раннего утра, когда он, устало перебирая босыми ногами, возвращался в Биляр с самых дальних лугов после поисков железной руды. Заки ушел из дома еще накануне, едва-едва на небе забрезжил рассвет.

Как только чуть приоткрылись городские ворота, прошмыгнул малай мимо протяжно позывающих стражников, побежал он, одержимый одной, не дающей ему покоя, целью.

Его манили места, где по заберегам неприметной среди окружавших ее ручьев небольшой речушки текли ржавые ручьи – верный признак железа. А железо – основное кормление всей их большой семьи.

И надо же было случиться, что к тому же месту, где он попытался, спустившись к берегу реки, застирать одежку, покрывшуюся бурыми ржавыми налетами, вдруг подскочили две девы, одетые в костюмы воинов. Одна из них решила искупаться, и он стал тому невольным свидетелем...

– Я не о том, – девушка легким движением руки коснулась его плеча. – Я про то, что станется со мной и тобой. Нет, я даже не хочу про то вслух говорить...

Не без оснований Гюль опасалась, что не дадут ей разрешение на то, чтобы поженились они. Если вдуматься, она и так поступает против их обычаев и законов, встречаясь с молодым парнем.

Если об этом узнают, ей не поздоровится. Пока про то ведомо лишь только ее госпоже Айше. Но долго скрывать их встречи не удастся.

– Не забывай, я целиком принадлежу нашей Принцессе! Согласится ли Айша отпустить меня от себя? – девушка тяжело вздохнула.

На этот вопрос ответить она не могла. Айша же привыкла к своей служанке, ставшей для нее, по сути, неразлучной наперсницей, а где-то даже и подружкой. Сможет ли она примириться с такой мыслью...

На открытом лице парнишки живо отразились все его тягостные переживания, и мастер заметил, что и руки Заки остановились, бросив порученную им работу.

– Малай, ты не спи! – незлобивый, скорее, больше наставнический тычок в бок быстро вернул парня в стесненное пространство кузни.

– Ага, – по лицу малая разлилась виноватая улыбка.

Некоторое время помощник мастера усиленно трудился, но вскоре его руки снова остановились.

– Абый, – Заки повернул к дяде вопросительный взор. – А еще такую же подвеску ты можешь сделать?

Озадаченный столь неожиданным вопросом, мастер всей пятерней почесался в затылке, всем корпусом повернулся к племяннику.

– Зачем тебе? Ты... ты хочешь подарить ее Гюль? – догадался Булат.

– Ага, – без всякой задней мысли кивнул Заки. – Ты поможешь мне?

– А вот золото есть, малай? – усмехнулся мастер, перехватив весьма заинтересованный взгляд своего помощника. – Ты на эти монеты не рассчитывай. Дворцовый векиль примет назад по весу, остаток заставит в казну вернуть. За каждую золотую пылинку придется ответить.

– Откуда, абый, – ответил парнишка потухшим голосом. – Если только отца попросить. Но он мне не даст. Денег дома у нас, как кот наплакал. Две сестренки подрастают. Их замуж скоро выдавать надо. Мать на их приданое все тратит. Нет, не дадут...

В стесненном пространстве заметался огорченный вздох малая, и в ответ Булат похлопал парня по плечу:

– Ладно, Заки, что-нибудь придумаем. Необязательно делать эдакий дорогуший подарок. Главное тут дело, малай, не в его цене, а в твоём внимании. Она должна понимать, что ты не сын эмира...

Искушенный мастер считал, что искусно изготовленный из серебра браслет должен прийти девушке по вкусу и по сердцу.

– Идем, помолимся...

Во всех концах и в центре большого города с высоких минаретов многочисленных мечетей зазвучали протяжные призывы муэдзинов к совершению всеми правоверными мусульманами вечернего намаза и восхвалению Всевышнего Аллаха, заботами которого в их великой стране установились мир и благоденствие...

Владыка сей благодатной земли, болгарский эмир Ильхам Юсуф ибн Салим, взошедший на трон после смерти своего достопочтенного отца Салим-хана, дождался, пока его покои не покинут, и только тогда его царственно спокойное лицо посетила озабоченность.

Тяжело вздохнув, эмир раскрыл Коран в кожаном переплете, с алмазными застежками, с тиснеными золотом буквами.

Пусть Всемилостивейший Аллах поможет им справиться с черной напастью, пришедшей откуда-то из неведомых степей...

Как только до него дошли слухи, что на реке Калка объединенные силы русских князей наголову разбиты никому неизвестным до той поры народом, он призадумался. По вине недальновидных, завистливых и враждовавших между собой князей, не пожелавших соединить свои силы в единый крепкий кулак, Залозный шлях вместо пути великой победы русов, могущих в то время остановить татар, показав им свою силу, превратился, стал «слезным» шляхом. Отважные русские ратники густо усеяли его своими костями, вдоволь полили своей алой кровью.

Половецкий хан Котян, тесть галичского князя Мстислава, теснимый неведомым народом татар, слезно призвал их на помощь.

И впервые за сотню лет непрерывных конфликтов русские князья Киева, Чернигова, Галича и Великого Новгорода, наконец, после долгих препираний объединили все свои усилия для совместного отражения подкатывавшейся к берегам Днепра опасности.

Но сильно ослабленная длительной междоусобной войной Русь не смогла оказать ордам кочевников достойный отпор. И все больше из-за полного отсутствия согласия в стане русичей.

В лето 1223, мая 31 числа, на реке Калка монгольский военачальник Субэдэй один за другим поочередно наголову разгромил отряды русско-половецкого войска. Побил монгол каждого князя русов по отдельности в силу полной несогласованности их действий и отсутствия всякой координации действий русских дружин.

Великий князь Киевский Мстислав III погиб. А Новгородский и галицкий князь Мстислав Удалой, который всегда побеждал на поле брани, вернулся домой ни с чем, разделив со всеми горечь и позор бесславного поражения от тех, кого было в несколько раз меньше...

В битве на Калке князья русичей жестоко поплатились за незнание тактики маневренной войны, которую они ошибочно считали отсталой, кочевнической. Когда легкая кавалерия монголов притворно отступила, пешие и конные ратники русов опрометчиво бросились вдогонку.

Преследуя убегающего врага, нарвавшись на тяжеловооруженную конницу Субэдэя, они, несмотря на весь свой внушительный численный перевес, бесславно проиграли сражение.

Подчиняясь приказу своего повелителя, монголы тогда быстро ушли на северо-восток, к реке Итиль, через южные отроги Джаяка (Урала) к равнинам Хорезма. Кыпчакская степь освободилась от грозного войска монголов и татар.

Они исчезли так же внезапно и непонятно, как и появились. После их ухода некоторые кыпчакские племена вернулись в свои разоренные кочевья, другие же перекочевали к низовьям Дуная, к мадьярам, заняли области, названные впоследствии Большой и малой Куманией.

Но татары в тот год бесследно не исчезли, а наткнулись за Итилем на поджидающие их под прикрытием гор (район Жигулей) войска булгар.

Сколько ни пытались князья русов отвоевать, но Великий путь по Итилю всегда оставался в руках Булгар. И в тот год они встали на его защиту. Собрали булгары в кулак все свое небольшое войско.

Держать в постоянной готовности огромную армию прежде смысла никакого не виделось, ибо никто серьезно их стране не угрожал. Но все изменилось с появлением татар...

– Обожглись! – ироничная усмешка появилась на сжатых губах владыки булгарской земли. – Хотели с ходу! Получили по зубам...

...Опьяненные неожиданно легкой победой над объединенным войском русов и кыпчаков, татары ускоренным маршем направились в сторону Булгарии, целиком рассчитывая на полную неожиданность...

– Вашего появления давно уже поджидали! – подытожил эмир.

С все возрастающей тревогой следил он за разгромами государств в Средней Азии, хорошо понимая, что неведомый враг не остановится и когда-нибудь доберется и до них, придет и их черед.

Никто не знал, когда именно оно произойдет, но то, что это должно случиться, он знал наверняка и готовился к встрече.

После того, как лазутчики донесли о появлении в Кыпчакской степи татар, направляющихся к столице русичей Киеву, они незамедлительно начали собирать ополчение и скрытно выдвинули его к Итилю в район тамошних гор (Жигулей). Основу войска составила тяжело-вооруженная конница, их лучшие воины. Из ремесленников и землепашцев составили пехоту и легкую кавалерию.

Прославленный и одержавший множество побед темник Субэдэй попался на уловку, многократно применяемую им самим.

– Видно, – вслух произнес свои мысли эмир, – монгол совершенно не мог и предполагать о том, что булгары, являясь прямыми потомками великого народа хуннов, могли и хорошо знали все военные хитрости, что используют отряды кочевников во время сражений...

Первым шел тумен Джебэ-нойона. Наткнувшись на заслон из легкой конницы, не разобравшись и приняв его за основные силы, горячий темник монголов развернул свои тысячи. И татары с устрашающими криками и взвизгами ринулись вперед, наскочили, легко опрокинули булгар, начали их увлеченно преследовать.

Вытянувшиеся в длинную цепочку всадники татар не заметили, как влетели в узкое место, с двух сторон сжимаемое высокими валами.

– Лучники, стреляй! – последовала резкая команда.

И тучи стрел, жая, опустились на головы разгоряченных всадников. Ошарашенные, ничего не понимающие монголы, пригнув свои головы к конским шеям, стремглав пустились наутек. Джебэ-нойон остановил их, перестроил и снова погнал. Прикрывшись щитами, татары полезли на крутые земляные валы, принялись прочесывать засеку, теряя на каждом шагу падающих от жгуче жалящих острых стрел боевых товарищей...

– Копьями коли, мечами бей! – на выходе из узкой засеки конные сотни наткнулись на заслон из ошестинившейся длинными копьями пехоты, в крепких кольчугах, с длинными тяжелыми мечами.

– Отход! Отход! – не пробив с наскока, монголы были вынуждены отойти, перегруппировать свои силы и продолжить наступление.

А пока же булгары, воспользовавшись передышкой, прикрывшись своей легкой конницей, быстро отошли на новые позиции...

– Вперед! Бей их! – после многочисленных кровопролитных стычек, совершенно измотав конницу монголов, булгары, введя в дело свои свежие силы, сокрушительным ударом тяжело-вооруженных всадников опрокинули до того не знающие поражения тумены татар, разбили их.

...После этой победы в жестоком сражении, прозванном «Бараньей битвой», оттого что потом булгары обменяли пленных монгольских воинов на баранов, беря за каждого закаленного в боях татарина всего по одному барану, словно бы в насмешку, великий князь Владимирский Юрий Всеволодович с большей охотой пошел на переговоры...

Сам Юсуф вовсе так и не думал, но, видно, русские и кыпчакские князья полагали, что страшные татары никогда больше не воротятся, не появятся. Русы вернулись к своей давней привычке и проводили дни в старых «ссорах и которах», не готовясь к новой войне, совершенно не думая о ней. Они и не подозревали, что монголы уже задумали новый страшный набег на страны заходящего солнца...

Эмир постарался заручиться поддержкой русичей. Но заключить в те тревожные дни военный союз не вышло.

Самое большее, что удалось сделать булгарскому посольству, так лишь заключить временное перемирие. Через четыре года в лето 1228-е его продлили на шесть лет. И, кажется, сделали вовремя.

На следующий год татары появились в степях рек Джаик и Итиль. Было ли это только разведкой, или же они приступили к осуществлению нового похода? Ответ на все, видно, знают лишь Аллах и они сами. В низовьях Итиля монголы захватили все кыпчакские степи.

Высланные навстречу им передовые тысячи конницы встретили врага на берегах реки Джаик. Но малочисленные сторожевые отряды булгар в той неравной битве с намного превосходящим их по силе и численности войском монголов потерпели жестокое поражение.

Однако они в тот день проявили такую невиданную и беспримерную стойкость, что татары не решились вступить на территорию самой Волжской Булгарии, где их поджидали основные силы. Может, у них и не имелось этакое намерения.

Прошло три года, и монголы предприняли очередную попытку. Их быстрая и легкая конница скованными морозами дорогами дошла до самого Биляра. Высокие и укрепленные стены столицы остановили их.

С небольшим войском взять мощное укрепление было невозможно, и они повернули назад, сжигая и разоряя все на своем пути. И это с полным основанием приняли за глубокую разведку боем...

Оставшаяся в полном одиночестве, любимая племянница эмира, томимая непонятным внутренним беспокойством, бесцельно прошлась из одного угла своей просторной спальни в другой, круто развернувшись, подошла к окошку. Уперев взгляд в резное стекло, выглянула во двор в неосознанной до конца попытке кого-то увидеть, верно, свою куда-то запропавшую служанку Гюль, но, никого не обнаружив, она с тихим вздохом уселась на самый краешек просторного ложа, застланного небесно-голубым шелковым покрывалом.

Немало времени прошло с той поры, как верные слуги протащили по длинному коридору ее названного братишку Улугбека, изловленного по повелению самого эмира за шаловливую провинность.

Весь перепуганный мальчишка изворачивался, пытаясь вырваться из цепких рук, нутно кричал, умолял ее спасти его, но она сделала вид, что судьба этого несносного малая ее нисколько не волнует.

Правда, после этого Айша тут же побежала к своей матери и, тяжело дыша, сбивчиво поведала о том, что случилось на ее глазах.

И правильно сделала, что она поспешила. Нешуточное беспокойство мгновенно отразилось на прекрасном лице любимой сестры эмира.

Суюм даже не стала скрывать своего огорчения и тут же отправилась в покои своего брата. Время шло, но никто оттуда не возвращался. И эта неизвестность томила, несказанно угнетала и изматывала. Нет ничего хуже неведения, хотя и изрекают, что блажен тот, кто не ведает...

Не находя себе места, девушка вышла из покоев и, важно ступая, умело напустив на свое личико равнодушное выражение, она мелкими шажками заскользила по коридору по направлению к лестнице.

Увидев на нижнем пролете скачками поднимающуюся тень, Айша спряталась за угол. Легкие и торопливые шаги быстро приближались, и тогда она стремительно вышла из-за своего укрытия.

– Ага, попался, негодник! – торжествующе выкрикнула девушка, протягивая свои руки. – Попался!

Поймав мальчишку, Айша потрогала его жарко разгоревшиеся уши. Понятная каждому мысль тут же посетила ее прелестную головку.

– Что, малай, досталось тебе от эмира? Надрал, видно, дядя твои лопухие уши? Скажешь, что нет?

– Вот и нисколько! – веселая улыбка развела мальчишеские губы до самых ушей, и показался поддразнивающий розовый кончик язычка.

– А ты не врешь? Так ничего тебе и не сделал?

– Он, апа, оказывается, – широко раскрыв глаза, разоткровенничался мальчишка, – и вовсе не страшный! Он задавал мне вопросы, а я ему отвечал. А потом подошла твоя мама, и он стал больше спрашивать ее. Он просил разузнать у дервиша все про татар.

– Оное должно быть интересно, – оживилась девушка. – О них в последнее время у нас все только и говорят. Правда, при этом боязливо оглядываясь, тихим шепотом, боясь чужих ушей...

Захотелось ей самой хорошенько расспросить их почтенного гостя, прибывшего к ним из далеких стран. Ученый дервиш столько всего знает про разные народы и племена, он привез с собой столько толстых и мудреных книг, пожелтевших от древности свитков...

С большим трудом Айша и Улугбек дождались наступления вечера, до самой глубокой ночи сражаясь в шахматы или разыгрывая на полу настоящие сражения, выстраивая на ковре войска из игрушечных фигур, изготовленных искусными мастерами...

Хаджи Хасан надолго задумался, хотя давно ожидал этого вопроса, и, выдержав паузу, медленно произнес:

– Насколько известно, «татары» – общее название всех кочевников Монголии. Они сами называли себя «там-там». В тексте надгробного памятника в честь полководца Кюль-Тегина в числе подчиненных племен есть упоминание о племени «отуз татары»...

Все племена, обитавшие на полночь за границами ханьской империи, назывались «тата-рами». По-китайски оно звучит еще, как «да-да» или «та-тань» в их понимании, как «кочевник» или «варвар». Когда же воцарился Чингисхан, происходивший из небольшого племени «мон-гол», он приказал подвластные ему племена называть «монголами»...

До середины VI века вся степь подчинялась жужаням, которые, несмотря на всю их силу, настоящим народом не были...

Это был плохо управляемый сброд из разбойников, воров и убийц, незаурядных людей и изгоев из самых разных племен...

Они вели кочевой образ жизни, имели жен и детей. Но по своему образу жизни больше были схожи с наемниками и грабителями...

И эта орда держала в страхе всю степь, а иногда даже угрожала Китаю, который, впрочем, в то время как раз распался на несколько постоянно воюющих друг с другом независимых царств...

– О, Аллах! – открытое лицо Улугбека от досады сморщилось.

Все это они уже слышали. К чему частые повторения, лишняя трата времени. Заметившая тяжелое пыхтение, Айша незаметно показала ему свой кулачок, недвусмысленно предупреждая малая, чтобы тот сидел тихо и недовольства своего не выказывал.

– ...но время господства жужаней закончилось в лето 552, когда хан ранее неизвестного народа тюрков Бумын из рода Ашина разгромил орду жужаней. Сам он не успел сполна воспользоваться плодами этой победы, но его брат Истеми и сын Мугань смогли добиться многого. Фактически поделив между собой войско, они направились в разные стороны утверждать только что завоеванную у жужаней власть...

Истеми двинулся на заход солнца, а Мугань – на восход. Они оба провозгласили себя ханами, но Истеми, чтобы не нарушать единства только еще создаваемой державы и из уважения к погибшему брату, согласился признать первенство Муганя...

Последующие тридцать лет, как мы с вами помним, оказались исключительно удачными для тюрков. Подвиги Истеми и Муганя и их преемников Кара Чурина Тюрка (сына Истеми) и Тобо (брата Муганя) затмили даже славу и достижения великих хуннских полководцев...

Истеми, пройдя огнем и мечом почти всю западную половину степи, походя, разгромил мощную державу эфталитов. Он, Истеми, вынудил иранского шаха Хосроя заключить с ним чрезвычайно почетный для себя мир. Он перешел через Итиль, где столкнулся с многочисленными аварами, победил их, стал при этом владыкой всей западной половины Великой степи. Кара Чуриин Тюрк уже после смерти отца захватил Боспор, а затем и весь Крым, в лето 850 вторгся в Лазику (Западная Грузия), угрожая и Византийской империи...

На восходе солнца Мугань, а позже его брат Тобо, идя от победы к победе, покорили большинство степных племен. К лету 580 сделали они своими данниками два северокитайских царства. Свое огромное государство, простиравшееся от Хазарского (Черного) моря и до самого Бескрайнего моря (Тихого океана), тюрки называли Вечный Иль (Вечная Страна), как бы утверждая свою власть на вечные времена. Но уже на следующий год великая тюркская мечта начинает рушиться...

В тот год умирает верховный правитель тюрков Тобо-каган, и тут же вспыхивает яростная борьба за власть. Причиной междоусобицы стала установленная еще Бумыном удельно-лествичная система власти и наследования, подобная той, что и поныне существует на Руси. Именно она и явилась тем самым корнем зла, что погубила державу тюрков.

– Она и Русь, – Суюм, усмехнувшись, повела рукой в сторону их соседа, – когда-нибудь окончательно погубит...

– Ты права, ханум, – дервиш согласно кивнул головой. – Престол у них передавался не сыну – прямому наследнику, а старшему в роду. Остальные близкие родичи получали удел – часть державы вместе с людьми и войском. К тому времени таких уделов стало уже восемь...

Формально старшим в роду являлся Кара Чурин Тюрк – сын Истеми. Но его отец не был верховным каганом, и сыновья умерших верховных вождей – Муганя и Тобо-хана – оспорили его право на престол.

Тот не стал открыто сопротивляться объединившимся против него племянникам и временно смирился. Но победители вскоре передрались между собой. Итогом этой длительной и ожесточенной борьбы стал окончательный раскол каганата на Западный и Восточный...

Увлеченные междоусобной борьбой, тюркские каганы допустили еще одну, как потом оказалось, непростительную ошибку.

Они проглядели, что на их южной границе в крови и непрерывных войнах встает на ноги колосс – объединенный Китай...

Многие степные народы, особенно те, которым поперек горла встала власть тюрков, с удовольствием приняли табгачских императоров в качестве степных ханов. Этому всемерно способствовала мудрая и дальновидная политика танского императора Ли Ши-миня...

Прямо на глазах империя Тан набирала силу, а вот оба тюркских каганата все больше слабели. Конец всему этому мог быть только один, и уже в лето 630 танские войска наголову разбили Восточный каганат, а все его земли были присоединены к Китаю. В лето 639 настала очередь Западного каганата. Казалось, для тюрков все было потеряно...

Но ничто в нашем мире не вечно. В самом Китае скоро позабыли заветы Ли Ши-миня, многие табгачские принцы были казнены, степные народы стали насильно подвергаться окитаиванию.

И тогда все тюрки восстали. В лето 682 их предводитель Кутлуг одержал победу. Судьба, как огромные качели, возносили к вершинам власти то одни народы, то другие...

Однако Китай, верный своей неизменной политике «разделяй и властвуй», натравливал на тюрков другие степные народы. Кроме того, после смерти внука Кутлуга – Йолыг-Тегина, талантливого и мудрого правителя, каганат снова захлестнули распри...

И вот в лето 742 наступила окончательная развязка, Вечному Илю пришел конец. Уйгуры, сильно недовольные тюркской властью в степи, восстали и после трехлетней войны победили. Остатки тюрков бежали в столь ненавистный ими Китай, где последние из них сложили голову, участвуя в восстании Ань Лу-шаня.

Великий тюркский народ перестал существовать, а верховенство в степи перешло к уйгурам. Но Уйгурский каганат оказался лишь слабой тенью великих степных держав прошлого – Вечного Иля тюрков и империи Хунну. Продержался он сравнительно долго лишь потому, что в то время ослабел Китай, так и не оправившийся после восстания Ань Лу-шаня. Но и Уйгурский каганат, в конце концов, пал под ударами китайцев и их невольных союзников – енисейских кыргызов.

В степи начался новый Темный век, и лишь два столетия назад степь вновь воспрянула от дремотного сна. Началась новая эпоха – время киданей, чжурчжэней и, наконец, монголов...

– Слава Аллаху! – сдерживая себя, пробормотал Улугбек, воздевая свои благодарные очи к потолку.

– Замолчи, малай! – тихо прошипела Айша, умудрившись при этом пребольно ущипнуть мальчишку.

– В XI—XII веках, – продолжил рассказ дервиш, чуть качнув головой, – восточная часть Великой степи представляла собой невообразимо сложное переплетение и смешение народов и племен. Главная причина, бесспорно, кроется в самой сущности их кочевничества. Постоянные перемещения по степи, смена перекочевков, разделение отдельных родов или переход их под чужую руку – это и есть суть кочевой жизни.

– Неужто не существовало четких и определенных границ кочевий?

– Границы-то существовали. Но вследствие увеличения количества членов рода, а также постоянного давления соседей, стремления части родовой знати, лучше сказать, их наследников выделиться в отдельные, никому неподконтрольные группы...

– Оное как? – Суюм непонимающе прищурилась.

– Ну, к примеру, у главы рода есть два сына-наследника. Младший брат по тем или иным причинам не захотел подчиняться старшему. Четких правил у многих степных народов не существовало, или они постоянно менялись. Считающий себя обиженным и обделенным брат собирает всех недовольных или ищущих лучшей жизни...

– Там, где нас нет, многим думается, что всегда лучше, – тихо произнесла Айша, лукаво сверкнув своими прекрасными глазками.

– Совершенно справедливо, кызым. И он уходит, куда глаза глядят, со своими людьми и скотом. Удержать вольного кочевника практически нельзя. А степь велика – откочевывай хоть на сотни дней пути. И эта группа медленно движется по степи, пока не находит незанятые земли, либо дружественный род, готовый их принять, либо более слабую группу, которую можно подчинить себе силой или оттеснить дальше...

Вторая причина – это распространенный повсеместно схожий язык. Тюрки и монголы прекрасно понимали друг друга, что значительно облегчало взаимное общение, а порой и полное смешение. И изначально тюркский род становился монгольским и наоборот.

Так произошло с монгольским по происхождению родом Ашина, из которого происходили ханы Тюркского каганата. После одной весьма длительной откочевки, вызванной, по всей видимости, поражением в войне с соседями, этот род оказался среди народов, говоривших на тюркском языке. Лет через сто о его монгольском происхождении говорило уже только одно родовое название...

Все это приводило к чрезвычайной запутанности отношений между племенами и родами народов тюрков и монголов. И это при том, что сами монголы придают исключительное значение своей родословной и знанию своих предков. И Рашид-ад Дин писал, и я сам лично был свидетелем тому, что каждый монгол с самых юных лет изучает свое родословие, и не было среди них человека, который не знал бы своего племени и происхождения. Вот только самих этих племен и родов было столь чрезвычайно много, к тому же, они все непрерывно разделялись, перекочевывали и снова разделялись...

Да, каждый степняк мог перечислять всех своих предков до седьмого колена, четко определять свое племя (ирген) и род (обок), только... племя могло включать в себя несколько родов, в одном случае, и быть лишь малой частью какого-то рода, в другом, а то и другое все вместе. И были джуркинцы, хонгираты, тайджиуты, джалаиры – но не монголы.

И вот встает нелепый, на первый взгляд, вопрос: а монголом ли был Темучин из рода Кият-Борджигин? И кто такие, собственно, монголы?

Впервые точное указание на слово «монгол» произошло в лето 1206, когда на великом курултае сам Чингисхан, объединивший Восточную степь, провозгласил создание «Yeke Monghol Ulus» – Великой державы монголов. Возможно, само понятие «монгол» введено Чингисханом как единое название для народов объединенной им степи.

– Откуда взялся оный Чингисхан? – спросила Суюм, поднимая на странника огромные черные глаза, подернутые задумчивой поволокой.

Если ее царственному брату самому неудобно расспрашивать об этом, то она задаст вопросы запросто и с большой охотой. Ее с самого детства увлекали истории про разные народы.

– Предок Чингисхана, – в прищуренных глазах дервиша забегали веселые озорные огоньки, – Бодончар-простак жил исключительно благодаря охоте своего прирученного кречета.

– Его предки, – не скрывая удивления своей хозяйки, девичьи брови высоко изогнулись, – не были ханами?

– Нет, как считают некоторые цзиньские историки, – Хаджи Хасан покачал головой. – То, что до нас дошло, точно говорит о том, что сам Темучин происходит из низкого сословия кочевников, из рода самого простого охотника, у которого даже нет своего коня, нет и повозки. Мать Чингисхана, Оэлун, происходила из рода меркитов. Говорят, что его отец, не имея денег, коней и баранов на калым, под покровом темноты выкрал понравившуюся ему девушку из чужого племени. Для кочевников умыкнуть невесту – самое обычное явление...

У монголов на этот счет есть собственная история, о правдивости которой судить не мне, может, есть в ней и зерно истины. Если верить истории, сочиненной самими монголами, то многое обстоит несколько иначе, чем об этом изъясняются нам цзиньские историки...

В «Сокровенном Сказании» монголов сказано, что первым предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Его супругой была Гоа-Марал. Серый Волк и Самка Оленя.

Два тотемных животных. Они вышли из неведомых мест, переплыли какое-то море Тенгис (внутреннее море), может, это и был Байкал, и стали кочевать у истоков реки Онон, на Бурхан-Халдуне.

Потомком их был Бата-Чиган. «Сокровенное Сказание» перечисляет длинный ряд их потомков, имена коих за ненадобностью мы пока все опустим, вплоть до Добун-Мергена, мужа Алан-Гоа.

Если вдуматься в оную историю, то, должно быть, около VI века на земли, занимаемые племенем шивэй, пришли люди из неизвестного доселе никому народа. Они называли себя монголами или же близким по звучанию словом. Путем переговоров, может, и силой они отвоёвывали себе место под солнцем на берегах Онона и вошли в союз племен шивэй на правах рода с названием «монгол»...

Со временем при разрастании и дроблении их рода самоназвание «монголы» как таковое исчезло, но в памяти последующих поколений сохранилось единство их происхождения...

Возможно, Хабул-хан, впервые объединивший значительную часть потомков Борте-Чино, первым назвал это объединение монгольским.

Может, именно Чингисхан, который объединил действительно всех потомков древнего рода «монгол», извлек оное почти забытое имя из глубин исторической памяти и назвал им сбитые под его началом народы и племена. Даже те, кто изначально не имел никакого отношения к монголам – татары, уйгуры, кыпчаки (половцы) и многие другие, стремясь разделить громкую славу монголов, стали называть себя их именем. Возможно, оное было частью плана Чингисхана...

Огромное количество родов и племен, которые все стали именовать монголами, еще совсем недавно делились на две главные ветви: дарлекин и нирун. К тому времени они настолько отделились друг от друга, что перестали считать себя родственными народами.

Только группа нирун, ведущая свой род от чресл прародительницы Алан-Гоа, а «нирун», собственно, и означает «чресла», считали себя подлинными монголами. Но и среди настоящих потомков Алан-Гоа нашлось немало племен, коим тоже отказывалось в «звании» нирун.

И, поскольку происхождение играло в жизни монголов огромную роль, пожалуй, самое время для того, чтобы познакомиться с самой знаменитой легендой о возникновении истинного народа монголов...

Хотя многие монгольские племена и кочевали в великой степи, некоторые племена и роды селились на полуночном краю степей, уходя порой в леса, на Байкале, верхнем Енисее и на Алтае. Оттого вскоре и пошло деление монгольских племен на лесные и степные племена.

Степные племена в основном были коневодами и скотоводами, охота могла быть их вторичным занятием. Люди лесов, с другой стороны, из-за условий своего жизненного существования считались охотниками и рыболовами. Были среди них и очень искусные кузнецы...

Праматерь важнейших монгольских родов и племен Алан-Гоа была дочерью Хорилартай-Мергена из северного монгольского племени хори-туматов – лесных охотников Прибайкалья...

Монгольский род (обок) состоял из родственников по отцу. Брак между его членами был запрещен, а потому невесты приобретались путем сватовства или покупались у иных родов. Когда род разрастался, его ветви отходили от общего ствола, чтобы образовать новые роды. Однако все они признавали свое происхождение от общего отца: о них говорили, что эти роды принадлежат к одной и той же кости «ясун»...

Браки между потомками всех этих родов строго воспрещались. Среди кочевников развито многоженство, и мужчины нуждались во многих женщинах не из своего рода, что крайне осложняло проблему.

Оное частенько приводило к умыканию будущих жен, а отсюда и неизбежные столкновения между родами. Для того, чтобы сохранить хрупкий мир, многие роды заблаговременно заключали взаимные соглашения относительно браков своих потомков...

Почтенный путник увлеченно рассказывал байки, а Айша, подперев кулачком гордый подбородок, пыталась представить себе наяву.

Но лучшего всего заглянуть в прошлое получалось у Суюм, которая была для женщины ее круга блестяще образована и начитана, и чье богатое воображение подкреплялось большим жизненным опытом...

Глава II. Среди лесного народа

Сквозь дремучую чащобу урмана мягкими крадущимися шагами, словно приготовившийся к внезапному прыжку хищный, молодой и сильный зверь, ловко пробирался, хоть и невысокого роста, но коренастый и плечистый парень по имени Хорилартай. Оттого что он слыл охотником, к его основному имени добавили прозвище Мерген.

Главным и основным оружием у охотников слыло короткое копье, которое они с силой метали или с близкого расстояния втыкали в крупного зверя. Многие использовали лук и стрелы, с которыми вели охоту на мелкую дичь. Хорилартай-Мерген в совершенстве владел и тем и другим оружием. В отличие от многих своих сородичей охотник прекрасно понимал все преимущества быстролетающей стрелы.

Заметив промелькнувший между зелеными зарослями пятнистый бок пугливой самки оленя, он сорвал с плеча лук, вложил в тетиву стрелу и прицелился. Сделал один шаг навстречу... второй, и тоненько просвистела в воздухе печальная вестница, больно ужалила ничего не подозревающую лесную красавицу. Взбрыкнув передними ногами, она тут же присела на них, в момент ослабевших, крупно вздрагивая всем телом, свистяще захрипела, покачнулась и медленно повалилась набок. Еще чуть дергался покрывшийся влажной дымкой зрачок, и натужно вздымалось вздрагивающее от режущей боли шелковистое брюхо.

Подбежавший охотник успел заглянуть в ее затянутые дымчатой поволокой, ставшие огромными от неземной тоски глаза, и ему стало не по себе. Словно увидел Мерген неземной укор. Но скоро он совершенно позабыл об этом. Не в первый раз доводилось смотреть ему в глаза наступающей смерти, к тому же, его мысли были заняты более важной заботой. Годы шли, а у него до сих пор имелась всего одна жена.

Соседи все его стали поначалу украдкой, а вскоре и вовсе открыто потешаться над ним. Конечно, если бы у него с женой завелись бы дети, то совсем другое дело, но женщина оказалась бесплодной.

Закинув тушу на спину, Хорилартай, крикнув, двинулся в сторону своего поселения. Путь предстоял ему неблизкий, за время охоты он успел уйти на приличное расстояние, а ему хотелось вернуться к себе домой засветло. Однако, видно, Небесным Богам угодно было другое. Провидение само вело его по Свыше уготованному ему пути.

Во власти тяжелой задумчивости, охотник свернул со следа, вовремя не поворотил, когда очнулся, понял, что отмотал приличный крюк.

Сплюнув от едкой досады на самого себя, Хорилартай оглянулся на садившееся солнце, озадаченно захлопал короткими ресницами. Особо не желал он поверить в то, что нынче ему родного очага не увидеть и придется ночевать в лесу, но в душе признавал это и уже соглашался с неизбежным. Потянул он шумно носом воздух, раздувая ноздри, ловя ветерок, повернулся к воде, тяжело затопал, вполголоса, чтобы никто его не услышал, проклиная Злых Духов, сбивших его с пути...

Вдоль берега озера неспешно трусили два всадника. К седлу одного конника привязали длинный повод, за которым шла третья лошадь.

На ней сидела со связанными ногами и руками сгорбленная фигурка измученной девочки. Отпечаток дальней дороги усталой тенью лег на ее прекрасное личико. Не помнила уже она, Баргуджин-гоа, любимая дочь Бархудая, владельца Кол-баргуджин-догумского, сколько дней они так передвигаются, все дальше и дальше уходя от ее родного дома.

Страшные несчастья одно за другим просыпались на ее несчастную головку. Не успела она привыкнуть к мысли, что ее отдадут в жены тюркскому беку, как во время долгого и утомительного путешествия к жениху ее похитили, нагло выкрали из шатра. Закутанную в темное покрывало, переброшенную через седло, ее две ночи и два дня везли.

Она чуть не умерла во время бешеной скачки. Очнулась она только в одном из караван-сараев, что в великом множестве выросли на Великом шелковом пути. Несколько дней ее не трогали, силком кормили. Не в силах сопротивляться, она давилась, но пихала пищу в себя.

Жирная женщина с мясистым подбородком, топырящимися черными усиками под уродливым крючковатым носом, густо пробивающейся безобразной бородкой своим видом наводила на нее леденящий ужас.

– Ох! – заслышав громоподобный голосище злой бабищи, девочка инстинктивно вжимала голову в подрагивающие от страха плечики.

– Снимай все с себя! – рано разбудив, женщина приказала раздеться, тщательно осмотрела она худенькое тело, больно ощупывая молочные железы, бесцеремонно раздвигая толстыми пальцами нижние губки.

– Ой! – от жгучего стыда горькие слезы брызнули из глаз, но дева, боясь наказания, проглотила подступившие к горлу рыдания.

Бедных невольниц, собранных для продажи, оказывается, набралось с десятков. И ближе к обеду устроили бесчеловечный по своей сути и ничем не прикрытой алчности торг, когда все мужчины без всякого стеснения рассматривали выставленный перед ними живой товар. Ощупывали покупатели юные тела, заглядывали в рот...

– Я беру! – кто ее на торжище купил, девочка так и не поняла.

Накинув на голову темное покрывало, ее посадили на лошадь и куда-то повезли. За всю дорогу она услышала всего с десятка два коротких слов, не больше того, и то их толком и не разобрала, скорее, поняла, догадалась о том, что требуется от нее...

Худой и жилистый степняк, двигавшийся впереди их небольшого отряда, зыркнул по сторонам настороженными глазами. Он выхватил широкую полосу густо зеленеющего урмана, близко подступавшего к кромке воды, прошелся по берегу, выискивая подходящее место для ночлега и найдя, поднял вверх руку и вытянул ее в нужную сторону.

За многие годы, проведенные в пути, в охоте на дикого зверя, а чаще на человека, он привык обходиться языком жестов. Особенно в те самые дни, когда они кого-то с собой везли. Поначалу по необходимости, а потом молчание вошло в привычку.

Может, потому его и прозвали Телсез или Безъязыким. Не отличался многословностью и его спутник Тикбул. Вдвоем они подходили друг другу, а потому их дружба тянулась уже третий десяток лет.

– Ы-ы-ы! – Телсез выбрал у берега небольшую полянку.

Соскочив с лошади, он подошел вразвалку к молчаливой пленнице, развязал тугие путы на ее ногах и осторожно стянул девочку вниз, поставил полонянку на землю, придержал, когда она покачнулась и со стоном опустилась на подрагивающие от слабости коленки.

– Ой! – тоненько пискнула девчушка.

Не в силах выразить свои мученья, она согнулась, уткнулась лицом в подол длинного платья, одетого поверх штанов, тяжело, всей грудью задышала, благодаря в душе Аллаха за то, что на этот день все ее муки закончились. Впереди их ждали немудреный ужин и желанный отдых...

Тем временем Тикбул сноровисто собрал сухой валежник, разгреб ногами небольшую ямку, развел огонь. И вот робкие ярко-рыжеватые язычки все веселее и громче зализали шершавые, с громким треском ломающиеся в руках веточки. Чуть позже степняк подкинул в огонь сучья что потолще, и через секунду-другую донеслось ровное и мощное гудение рвущегося ввысь жаркого пламени...

Словно на ходу наткнувшись на невидимую преграду, Хорилартай остановился, так и не опустив вниз занесенную вперед ногу.

Слабый порыв поднимающегося к вечеру свежего ветерка явственно донес до его чувствительного носа перемешанные с дымом костра и жареным мясом запахи чужих людей.

Это были его охотничьи угодья, и промыслять в них помимо него никто не мог. Если только в их краях не появился кто-то чужой.

– Посмотрим! – скинув с плеч тушу важенки, монгол пригнулся.

Осторожно ступая по земле мягкими кожаными сапогами, охотник инстинктивно чувствовал под собой все сучки, способные предательски хрустнуть в самый неподходящий момент и тем самым спугнуть ничего не подозревающих пришельцев. Монгол двигался на дразнящий его, проголодавшийся за целый день, желудок запах готовящейся пищи...

Нанизанное на самодельный вертел мясо дошло до готовности. И молчаливый Телсез подсел к девушке, потянул за конец тоненького кожного шнура, высвобождая затекшие до синевы кисти.

– Ух! – пленница, поднимая голову, кинула на своего невольного мучителя красноречивый взгляд, туго наполненный ярой ненавистью и жутким презрением, и мужские глаза, наткнувшись на него, ожглись, отвернулись в смущении.

В душе своей Телсез ничего не имел против нее, но он должен был доставить этот юный цветок в целостности и полной сохранности, а потому и предпринимал тщательные меры предосторожности.

Не отступил он от своего неизменного правила и в этот раз, надежно спутав девчонке ноги. Его хитроумный узелок в два счета не развяжешь, времени уйдет на все много, а потому попытка бегства успеха явно бы не имела и была обречена на провал изначально. А за это время он всегда успеет насытиться...

– Ы-ы-ы! – ткнул он пальцем на место рядом с костром.

Небрежно разорвав тушку зайца, случайно подстреленного в пути, он с усмешкой на губах поделил куски на три неравные части: себе забрал побольше, своему товарищу – поменьше, что осталось – то он небрежно кинул под ноги девчонке.

– У, шайтан! – сверкнула она злыми глазами, оскорбленная столь пренебрежительным отношением к себе. – Аллах покарает тебя! – прошептали ее побелевшие губы.

– Гы-гы-гы! – Тикбул издевательски оскалил рыжие зубы.

Но голод – не родная тетка, и Баргуджин-гоа проворно потянулась обеими руками к мясу, зная, что стоит ей только чуть промедлить, как она может и вовсе остаться без еды. Такое уже случалось и не один раз.

Ее попутчики, которых правильнее было бы назвать тюремщиками, запросто могли покуситься на ее долю и забрать себе то, что она не успела доесть, пока они управлялись со своими кусками.

– Гы-гы! – жадно обглодав заднюю ножку, Тикбул, громко чавкая, с видимым на лоснящемся от грязного пота лице наслаждением обсосал жирные пальцы и потянулся, блаженно зажмуривая глаза.

Правая рука его машинально нащупала в высокой траве баклажку с остатками крепкого вина. Взболтав, он сделал пару-другую больших глотков. Теплая волна, накатываясь, пошла по внутренностям, бурно разгоняя кровь и настраивая мысли на иной лад.

– Гы-гы! – давно он, облизываясь, поглядывал на девчонку.

Отсутствие близости с женщиной становилось вовсе невыносимым, а сознание того, что с ними вместе едет красивая девушка, сильно будоражило его. Если бы не суровые взгляды, бросаемые в его сторону Телсезом, то он, верно, давно бы уже побаловался с нею. Но всякому терпению приходит предел, видимо, именно такой момент и наступил.

Исподволь в его подленькой душонке зрело и все накапливалось недовольство положением дел, что сложилось в его отношениях с товарищем. На первых порах роль бессловесного помощника его вполне устраивала. Но со временем Тикбул все чаще стал подумывать о том, что он и сам бы мог вполне справляться с ролью вожака.

– Избавлюсь от Телседа или уйду от него, – вслух подумал Тикбул.

Но просто уйти, потеряться в бескрайней степи означало остаться без денег, которые его молчаливый напарник прятал на своей груди. А вот это Тикбула никак не устраивало. Не без оснований он считал, что половина всей заработанной ими суммы принадлежит ему.

На большую часть он особо не претендовал, но заполучить ее при случае был бы не прочь. Но случай сам по себе не представлялся, и в его мозгу, скрытом за узкой полоской лба, зародилась и засвербела, не давая покоя, коварная мысль о том, что случаю следует помочь...

– Надо подсобить, подстегнуть медлительный случай, – решил он.

Осталось лишь придумать, как это сделать, чтобы не вызвать гнева Духов. Опасаясь того, что Небесные Боги сурово накажут его, если он подлю прирежет своего товарища спящим, Тикбул прикинул, что лучше он спровоцирует ссору, а в ней нанесет Телсезу коварный удар ножом...

Решив не откладывать выполнение задуманного им плана, Тикбул, не вставая с земли, перекатился и оказался рядом с их пленницей. Баргуджин-гоа увидела мужские глаза, налитые суровой решимостью и вздрогнула, инстинктивно сжалась, попыталась уклониться от грубых ласк, пряча свое лицо и поворачиваясь набок, но все было напрасно.

– А-а-а! – в отчаянии вскрикнула она и вцепилась зубами в грубую ладонь. – А-а-а!

– Дивана! Кикимора! – дикарь со всего размаха ударил визжащую девчонку по лицу, разбивая его в кровь. – Придушу!

Разбуженный резким вскриком, Телсез вскочил. Он сбросил с себя сладкую дрему, подскочил и изо всех сил потащил на себя насильника, сердито шипя и брызгая разгневанной слюной.

Такого вероломства от напарника он не ожидал, давно уже привык доверять ему, как себе. Тикбул задумал очевидное безумство. После такого за девчонку много не выручить, и все их труды пойдут насмарку.

– Ы-ы-ы! – свирепо оскалился он и показал желтые клыки, выражая тем самым крайнюю степень своего недовольства.

Обычно подобной демонстрации вполне хватало, но на этот раз лицо Тикбула в ответ исказилось свирепой ненавистью, узловатые пальцы его рук сжались в кулаки, что уже недвусмысленно свидетельствовало о том, что подельник подчиняться не намерен.

На миг ослепленный вспышкой ярости, Телсез шагнул вперед, чтобы схватить взбунтовавшегося напарника, перехватить его тело руками, оторвать от земли, перевернуть в воздухе, бросить его наземь и выбить из него злые намерения. Но Тикбул, зная силу напарника, бороться с ним и не собирался. В его правой руке сверкнул нож, и холодное лезвие мягко вошло в брюшину и с хрустом в ней провернулось.

– Ы-ы-ы! – изумленный пронзившей его болью, замычал Телсез.

Схватившись рукой за живот, бледнея, увидел он, как сквозь сжатые пальцы проступила алая, быстро темнеющая и густеющая влага.

Ноги предательски ослабели, подкосились, он весь осунулся вниз, чувствуя, как перед глазами побежал, набирая скорость, темнеющий берег, разгоняясь, начал переворачиваться.

– А-а-а! – лежавшая всего в двух шагах и все видевшая, Баргуджин-гоа онемела от произошедшей на ее глазах ужасной трагедии.

Ее юное сердечко буквально разрывалось от цепящего страха и от дикого ужаса. Увиденное своими глазами коварное и подлое убийство никакой надежды на собственное спасение ей не оставляло. Если этот дикарь так жестоко расправился со своим товарищем, то ее саму ничего ладного не ждет. Сперва хладнокровный убийца вдоволь поизмывается над незащищенной жертвой, а потом лишит ее жизни...

– А-а-а! – разнесшийся по лесу отчаянный крик всполошил всех его обитателей, растревожил птиц, стаями закруживших над вершинами.

Вопль заставил Хорилартая ускорить шаг, но не лишил охотника присущей ему осторожности. Быстрее заскользил он по земле, мягче и пружинистей стала его походка. Впереди блеснула светлая полоска, и он, пригнувшись, выглянул, раздвигая рукой густую листву...

Вытерев лезвие ножа об край одежды убитого им напарника, Тикбул хищно прищурился, и по кругу полетели раскаты его истерического смеха, обдали девушку новой волной ледящего душу страха.

Плохо соображая, но стремясь любыми способами покинуть гиблое место, Баргуджин-гоа, извиваясь своим худеньким и гибким тельцем, поползла, царапая в кровь об прибрежную гальку нежные пальчики, сдирая кожу с ладоней. Безотчетное желание спастись подгоняло ее.

– Куда, дивана?! Убью! – увидев, как ускользает его жертва, Тикбул недоуменно моргнул, но быстро успокоился.

До берега далековато для того, кто ползет со связанными руками и ногами. Он в два-три хороших прыжка сможет ее догнать. А потому из-за подлого желания продлить ее невыносимые душевные и физические терзания, он неслышно ступал за нею, наслаждаясь видом ее мучений.

– Попалась, дивана! – когда до воды осталось с десятков его широких шагов, он схватил девушку за ногу, потянул на себя.

Переворачиваемая на спину, Баргуджин-гоа отчаянно закричала:

– А-а-а!

В один миг она осознала, с обреченностью поняла, что все оказалось напрасно. Ее отчаянная попытка спастись, уйдя навечно в воду, была тщетна. Ей никуда от своей страшной судьбы не убежать. Ей этого не позволят. Лицо насильника приближалось, она крепко зажмурилась, пронзенная дрожью обмякла, готовая к самому наихудшему...

Теперь у Хорилартая не оставалось сомнений в намерениях человека на берегу. И он успел упрекнуть себя за то, что не выстрелил в степняка, пока тот шел во весь рост и представлял собой очень удобную мишень.

А теперь он боялся, что стрелой ненароком угодит в беззащитную девушку. Бормоча сквозь зубы безмолвные проклятия, он неслышной тенью метнулся к клубку двух тел, туго сплетшемся возле берега.

– Гы-гы! – довольно урча, Тикбул подрагивающими от нетерпения руками разорвал тонкую материю, обнажил девственно-белую грудь и восторженно заверещал, увидев перед собой два нежно-розовых соска, возвышающихся над упругими выпуклостями.

Облизнув пересохшие губы, он шершавым язычком коснулся одного из двух острых комочков нежной плоти, с торжествующим восторгом ощущая, как от его прикосновения девчонка дернулась всем телом...

Накатывалась на пологий берег очередная волна, шурша и пенясь, а затем медленно отступала, слизывая с гальки принесенный самой же песок, перекатывая маленькие камушки, увлекая их назад, на глубину.

Тихий шум прибоя позволил охотнику неслышно приблизиться и нависнуть над насильником. Схватив его за волосы, Хорилартай изо всех сил ткнул степняка лицом в песок.

– У-у-у! – взыв от тупой боли, Тикбул попытался вывернуться, но сник и затих оглушенный новым сильным ударом.

Он не шевелился и не подавал признаков жизни, пока охотник ловко обвязывал и крепко опутывал его ноги, перевернул на живот, завел руки за спину, затянул на запястьях петлю, протянул свободный конец к ногам, продел через ремешок и свел воедино конечности насильника.

Довольный придумкой Хорилартай повернулся к девушке, распутал ее руки, затем ноги. Движимый неясным и плохо осознанным самим собой, взявшимся из глубины души ощущением ранее не ведомого ему чувства простого человеческого сострадания, охотник мягкой

материей осторожно вытер окровавленные девичьи губы, горячо и успокаивающе зашептал на непонятном для Баргуджин-гоа языке:

– Не плачь, бала, все позади, я тебя никому в обиду не дам...

По сравнению с тем, что ей довелось услышать за последние дни и недели, непонятая ею фраза показалась несчастной девушке верхом красноречия, и она благодарно закивала головой, залепетала на своем языке, показывая, как она рада тому, что ее избавили от мук.

– Он... – она протягивала в сторону Тикбула подрагивающую от еще не покинувшего ее ужаса руку. – Он хотел меня... хотел...

Невольно, помимо ее сознания, не успевшего отойти от пережитого смертельного ужаса, в душе ее, истерзанной переживаниями последних дней, поднималось горячее чувство признательности. Но она не знала, что может сделать для того, чтобы отблагодарить своего избавителя за свое чудесное спасение, и от этого чувствовала себя жутко неудобно.

В подсознании заплескалась мысль о том, что ей нужно задобрить человека. Чтобы он потом не стал поступать с нею так же плохо, как и двое степняков, один из которых издох, подлю убитый собственным же подельником, а второй, очнувшись, пилился на них, сверкая своими глазами, обезумевшими от страха, замешанного на ненависти и ярости.

Баргуджин-гоа вся содрогнулась, когда вдруг подумала о том, что ненавистный ей Тикбул коварным образом сможет договориться со связавшим его незнакомцем, и тогда ей наверняка уже придет конец.

– Он... он... – девичий рот исказился в жалостливой гримасе.

Протягивая руку, Хорилартай с нерешительной нежностью провел ею по густым волосам, не зная, как пленница воспримет его неуклюжую ласку. Он давно был женат, но большого опыта общения с женщинами у него не было, особенно с такими красавицами, что он успел заметить сквозь проступившую белизну на лице и остатки болезненной гримасы.

Безотчетно кинувшись на выручку, он не успел подумать о том, что будет дальше. Как поступить ему с оставшимся в живых степняком?

Отпустить на все четыре стороны? Но тогда тот начнет мстить за эту нанесенную ему обиду. Степь она только с виду кажется большой, и не всегда можно в ней затеряться. А особенно им, лесным охотникам.

Убить? Не совсем честно по отношению к безоружному человеку и к тому же связанному. Устроить честный поединок?

Но к чему ему самому второй раз снова испытывать свою судьбу, которая была к нему в первый раз столь благосклонна?

А если на этот раз Небесные Боги возьмут и отвернутся от него, неблагодарного, сильно и всерьез рассердившись за его бестолковость и неумение правильно распорядиться их расположением?

Но больше всего его волновал вопрос о том, что ему потом делать с девчонкой. Если посудить, то он добыл ее в честном бою, а потому она сейчас всецело должна принадлежать ему. Правда, она еще пока мала, но скоро может стать ему второй женой. Но, с другой стороны, издавек заметно, что эта чужестранка родом из богатой семьи, в хозяйстве будет бесполезной обузой. И это не самое главное. А если везли ее какому-то хану, и ее начнут везде искать? И если найдут у него, что он ответит?

Не сумев толком ответить ни на один свой вопрос, охотник решил начать с обычного и традиционного для монголов приветствия, чтобы продемонстрировать свою доброжелательность и расположение.

– Ё-ы-ы! – неловко ткнувшись головой вперед, он неожиданно для Баргуджин-гоа облизал шершавым языком почти всю ее щеку.

Поняв его по-своему и неправильно истолковав, она зажмурила глаза и, решив, что пусть уж случится то, что и должно было рано или поздно произойти, она и сама потянулась губами

к мужскому рту. Насмерть напуганная всем уже случившимся с нею, девушка решила, что своим покорным поведением она сможет задобрить лесного охотника...

– Я стану твоей частью, – прошептала она, – только защити меня.

Уразумев, что прямо на его глазах совершится то, к чему он сам так стремился и чего так добивался, пойдя на тяжкий грех предательства и убийства своего верного товарища, но чему сбыться уже никогда не суждено, Тикбул, словно дикий зверь, разинув пасть, взвыл по-волчьи. По его скулам потекли, оставляя грязные следы, жгучие слезы обиды...

Покрасневший от натуги, солнечный диск опустился за далекими урманам в поджидавшую его там лодку и в ней отправился дальше.

Высвободившись из-под тяжелой мужской руки, девушка вздохнула, смахнула с реснички влажную капельку, свидетельницу испытанной ею боли, чувствуя ее остатки, легонько ступая, направилась к воде.

Прохлада остудила жжение и притупила все мысли. Уйдя с головой под воду, дева попыталась сбросить с себя все то, что случилось с нею до этого. Хотела смыть с себя всю грязь и начать свою жизнь сызнова.

Не знает она и не догадывается, что ожидало бы ее впереди, продай ее эти два степняка тому, к кому они ее везли. Но, кажется, лесной охотник из рода и племени хороших людей...

Дикарь поступил с ней чуточку, если можно так назвать, грубовато, но она сама же, по сути, предложила ему себя. Может, он сам этого и не сильно желал. Не сразу она заметила его нерешительность и даже какую-то благоговейную боязнь притронуться к ее телу. И не его вина, что он просто не умеет по-иному обращаться с женщинами.

Но та боль, испытанная ею, пройдет, так бывает только поначалу, а потом все встанет на свое место. Об этом по особому секрету рассказала старшая сестра. Когда как-то приехала со своим мужем погостить...

– Ы-ы-ы... – чувствуя в своем теле приятную истому и разлившуюся удовлетворенную насыщенность, охотник проводил обнаженную деву не переставшим восхищаться восторженным взглядом, сомкнул веки и незаметно для самого себя крепко уснул.

Не расслышал он, как легкие шаги приблизились к нему, неровное дыхание задержалось возле его груди и тихо удалилось...

Крепко связанный по рукам и ногам степняк, устав бороться со сжигающими его чувствами, лежал, уткнув лицо в траву, не замечая того, как крупный голыш с болью вдавливался в его левую щеку.

Но чем была эта боль по сравнению с тем, что с ним произошло?! Где-то промелькнуло что-то отдаленно похожее на раскаяние, отчасти сходное с запоздалым сожалением о том, что он вероломно поднял руку на своего старшего товарища. Вот Злые Духи и прогневались на него.

А был бы жив Телсез, вряд ли бы охотник посмел напасть на них двоих. Он сам себе опрометчиво и вырыл яму. Всему вина его черная завистливость и нежелание слушать чужих советов.

– Или это возмущенный дух самого Телсеца вселился в тело лесного охотника и пришел, чтобы отомстить за подлое убийство? – обмер он.

Скрежеща от кипящей ярости зубами, тать не услышал и не увидел, как со спины на него надвинулась неясная тень. Цепкая рука крепко ухватила за его волосы, рывком отрывая его голову от земли.

– Ох! – жутко холодное блеснуло в лунном свете рядом с его остро выпирающим кадыком, горячая боль, вспыхнувшая в горле, мгновенно отдалась во всем теле и навечно погасила сознание.

– Подохни, гад! – в отличие от лесного охотника тот, кто это сделал, совершенно не боялся прогневить Духов, потому что его рука двигалась осознанным чувством справедливого возмездия.

Наткнувшись любопытным взглядом на безжизненно распростертое тело, ничком валяющееся возле берега, и тускло отблескивающую лужицу быстро густеющей, уходящей в песок крови, молодой месяц поспешил ретироваться и спрятался за лохматое облачко, перевел дух.

Даже ему, неприступно холодному, как-то стало не по себе...

Лишившись скудного освещения, ночь затянула землю плотной темнотой. Вдоль берега пронесся порывистый ветер, остужающий жар громко стучащего сердечка. Тревожно зашумели кроны развесистых деревьев, рождая и вселяя темный страх и неуверенность в истерзанную душу юного существа, совершившего ритуал кровавого возмездия.

Нашупав неровный край мягкого войлочного покрывала, Баргуджин-гоа проскользнула в его успокаивающую теплоту, коснулась нежными бугорками лопаток спящего охотника и замерла.

– О, Аллах Всемогуший... – ее губы долго и беззвучно молились.

Поднявшись с самыми первыми лучами солнца, Хорилартай заметил странную неподвижность скрученного им степняка, неестественность положения его откинутой в сторону головы. Подошел к нему и только тогда все понял. С перерезанным горлом, насколько он понимал, никто долго не живет. Не было у него сомнений и в том, кто это мог сделать.

Возмездие совершила юная дива, всю ночь крепко прижимавшаяся к нему своим вздрагивающим во сне худеньким тельцем.

То, что он увидел не удивило его, не вызвало возмущения, напротив, оно принесло ему облегчение. Вопрос, который его так мучил, решил сам собой. Смерть степняка на нем не висит. А у этой бедняжки, верно, нашлось достаточно оснований, чтобы жестоко отомстить. Ее право...

Углубившись в лес, он быстро нашел то место, где в спешке оставил тушу молодой самки, и от печального вида того, что от нее осталось, впал в состояние, весьма близкое к жуткому отчаянию. В его отсутствие лесные обитатели, верно, устроили разгульную ночную пирушку.

Красно-бурые лисы и хорьки, учуяв добычу, наткнулись на нее, растащили самые лакомые кусочки, растерзали оленью тушу на клочья.

– Глупый Хорилартай, – охотник, укоряя, покачал головой. – Зачем мясо бросал, с собой не забирал? Зачем сразу не вернулся, не забрал?

Но перед его глазами встала худенькая девушка, подрагивающими движениями пытающаяся натянуть на себя разорванную рубашку, смущенно прикрыть свою выпирающую наготу. Ее два молочно-белых бугорка с нежно-розовыми кружочками посередине. Он обо всем забыл.

Прошедшая ночь оставила в его наивно-простоватой душе глубокий след. Все остальное стало казаться ему несущественным. Оно не стоило его сожаления. Стоит ли переживать из-за туши оленя, если он запросто добудет десяток других. Удача еще никогда от него не отворачивалась. Он приведет девушку. Она станет его женой, родит ему ребятишек...

– И не глуп Хорилартай! – пока мысли охотника бежали вдогонку за мечтами, его руки привычно и сноровисто отделили от растерзанной туши кусочки, вполне пригодные для употребления в пищу.

Покончив с разделкой, он быстро вернулся и развел жаркий костер, нанизал мясо на тоненькие прутики и принялся их обжаривать...

Проснувшаяся от потянувшейся с водной глади прохлады и немного озябшая девушка со страхом обнаружила, что рядом с нею никого нет. Крупная дрожь пробежалась по всему ее телу.

Ей вдруг со страхом почудилось, что лесной охотник бросил ее, оставив одну. Теперь она одна и без его защиты запросто погибнет...

Но тут за ее спиной громко фыркнула стреноженная лошадь, шумно отозвалась вторая, и тишина заполнилась успокаивающими звуками.

А тут и переменивший направление ветерок донес до нее слабое потрескивание костерка и, самое главное, дразнящие обоняние запахи жареного мяса. И от души отлегло. Нет, ее спаситель не покинул ее. Просто она заспалась, а он давно уже на ногах.

– Слава Аллаху! – прошептала девушка с радостной и счастливой улыбкой на губах. – Ты услышал мои молитвы! Ты вразумил дикого человека, и он не оставил меня одну.

– Возьми, одень это на себя, – произнесли на непонятном для нее наречии, но, подняв свои глаза на стоявшего всего в двух шагах от нее охотника, она и без перевода все поняла.

Пока девушка видела свой последний и, видно, самый сладкий сон, охотник по-хозяйски проверил все переметные сумы, притороченные к седлам. Довольная улыбка появилась на широкоскулом лице, разведя рот чуть ли не до самых ушей, когда парень обнаружил целый ворох женской одежды. По его мнению, он нашел настоящее богатство.

– Отвернись! – Баргуджин-гоа капризно сморщила носик, но дикарь так и остался стоять и пялился на нее своей глупой улыбкой.

Чувствуя себя не очень-то уютно под его жадными ощупывающими взглядами, девушка в спешке натянула на себя тонкие шелковые штанишки, сверху набросила на плечи длинную и просторную рубашку и только тогда с облегчением вздохнула. То, что произошло накануне вечером и последующей темной ночью, вовсе не лишило ее природной скромности и присущей юным девушкам стыдливости.

– Спасибо тебе, – особым грудным волнующим голосом произнесла она, мягко шагнула к нему, грациозно взмахнув руками, нежно обвила мужскую шею и прижалась жаркими губами к колючей щеке.

– Ты принесешь мне счастье! – воскликнул охотник. – Скажи, как тебя зовут? Скажи мне твое имя!

Ничего не поняв из вырывающихся из мужской груди гортанных и отрывистых, настойчиво требующих звуков, она тихо-тихо улыбнулась, внутри себя осознав, что это самый лучший в ее положении ответ.

– Не понимаешь! – охотник огорченно вздохнул. – Я буду звать тебя Суара! А что? Суара... та, которая рядом с водой...

– Суара... – по слогам повторила она незнакомое слово и прижала ладошку к груди, показывая, что она согласна со своим новым именем, раз уж решила начать новую жизнь, то и имя свое сменит на новое.

– Суара! – восторженный крик вырвался из мужской груди.

– Суара... – она тут же согласно закивала головой, поглядывая на охотника с умиленно непосредственной улыбкой.

Неосознанным движением Хорилартай подхватил девушку на свои руки, закружил, неотрывно глядя в ее чуть расширенные глаза, утопая в них и чувствуя, что окончательно гибнет...

Настороженно оглядываясь по сторонам, Баргуджин-гоа, нет, теперь Суара ехала верхом по непривычному для нее, городской жительнице, видевшей дома из камня, небольшому поселению лесных охотников из племени хори-туматов, что расположилось в местности Арих-усун.

Вокруг вырисовывались убогие жилища, устроенные из толстенных веток и обтянутые где звериными шкурами, а где и кусками войлока.

Встречались и шалаши, со всех сторон накрытые одними ветками с густой листвой, даже не защищенные от непогоды березовой корой.

Неустроенность жизни кричала во весь голос и сразу бросалась в глаза. Жизнь в лесу таила в себе множество опасностей.

При острой необходимости многие лесные жители могли унести с собой весь скарб на собственных плечах.

Главным занятием «лесных» монголов считалась охота, в меньшей степени они предавались другому занятию – рыболовству.

Рожденные в лесах, они почти никогда не покидали этих мест, блуждая в порой непроходимых чащобах в поисках дичи.

Казалось бы, их рыскания были лишены всякой системы, однако все эти охотничьи уголья, как и земли у их соседей-степняков, были строго закреплены за отдельными родами или семьями.

Иные охотники из лесовиков приручали диких оленей-изюбрей, как и их соседи-скотоводы, и косуль. Они питались мясом животных и молоком. Изюбрей использовали как выючных животных.

Но в отличие от степняков лесные охотники не были привязаны к своим стадам. Одомашненные звери послушно следовали повсюду за человеком их приручившим, а не охотник следовал по пятам за ними.

Гордые лесовики презирали степных кочевников, как слабых людей, пожертвовавших своей свободой ради сытной и предсказуемой жизни.

Жизнь скотовода они все считали невыносимой. И не находилось угрозы страшнее для непослушной дочери, чем обещание выдать ее замуж за степняка, где той придется ходить за баранами. И некоторые девушки, предвидя таковое будущее, даже накладывали на себя руки...

Оборванные и грязные ребятишки, никак не обращавшие внимания на длинные свисающие сопли, неожиданно выбегали прямо под конские копыта и, чему-то смеясь, тыкали в нее пальцами. Видно, именно она в их глазах казалась существом неестественным, чего они еще никогда не видели, а потому-то считали верхом дикости и неприличия.

Дикая свора маленьких и злоющих собачонок с громким и визгливым тьяканьем выскочила и окружила их, набросилась со всех сторон, все норовя вцепиться лошадям в ноги, нанести болезненный укус.

Не ожидавшему такой встречи Хорилартаю стоило большого труда разогнать их и успокоить лошадей, встревоженно прядавших ушами, низко приседавших на задние ноги и все пытавшихся вырвать поводья, особенно из ослабевших от страха девичьих рук...

Внимательно осмотревшись сквозь скромно полуопущенные веки, Суара мысленно поразилась всей убогости скудной до невозможности обстановки шалаша, куда завел ее за руку лесной охотник. Хозяйство у лесных народов оказалось крайне несложным. Вся их одежда шилась из шкур добытых животных, пищей им служило мясо, а иногда – рыба. Основным напитком был древесный сок, по большей части березовый.

– Эй, ты принес мне пожрать? – донесся из темного угла густой и озлобленный голос, и на свет, струящийся из небольшого отверстия для выхода дыма наверху, надвинулось грузное существо, лишь удаленно напоминающее собой женщину. – Второй день я ничего не жрала. Очаг твой погас, сучья закончились. Где ты шляешься? Почему ты не пришел вчера вечером? Кого ты с собой привел?

Заплывшая жиром груди, трясая своими мощными телесами, затопала вокруг Суары, подозрительно разглядывая ее своими узкими глазками-щелками, утыкаясь в нее шмыгавшим носом и тщательно обнюхивая.

– Пахнет-то от девки хорошо, дыхание чистое! – с хорошо читаемой завистью произнесла она. – Ничего, поживет с нами, станет такой же, как все. – Ха-ха-ха! – злое бульканье вырвалось наружу из ее широко раскрывшегося рта, откуда показались редкие гнилые зубы, источенные болезнями. – Еще завоняет почище нас!

Глядя на свою жену, охотник поморщился:

– Ты бы, Шунчэ, больше двигалась по свежему воздуху и работала...

– Я не для того вышла замуж, – истерично взвизгнула женщина, – чтобы работать. Ты мой муж и обязан кормить меня. А ты даже ребенка не смог мне заделать. Ты – не мужчина, ты...

– Замолчи!

Под суровым взглядом мужа баба осеклась, вжала голову в плечи и снова ушла в тень, набираясь в ней сил для очередной раздражительной вспышки. И еще долго из темного угла доносилось глухое ворчание.

Суара переводила взгляд с недовольно хмурящегося мужчины на источник неясного бормотания в немой попытке определить то, что происходит в этом доме, и в своей догадке была где-то близка к истине.

Совсем не трудно оказалось догадаться по внешнему виду хозяйки, ее грязному и неряшливому одеянию, что с женой ее спасителю очень не повезло. Видно, это была ленивая и злая женщина, что искала корень зла во всем происходящим с нею в ком угодно, в первую очередь, в своем муже, но только не в себе самой.

Конечно, ничего подобного Суара и представить себе не могла. В ее девических мечтах все было по-иному. Но, видно, оное предначертано ей самой судьбой. Что ни говори, но оно все же намного лучше, чем лежать с пропоротым животом на берегу озера, брошенной на съеденье хищным зверям. Именно этакая судьба ожидает Тикбула, который по воле Аллаха сам оказался на ее месте. По воле Аллаха и с его согласия, иначе бы она не решилась на столь ужасный шаг, как лишить человека жизни. Но тут она стала перед выбором: или он ее, или она его.

И она с покорностью примет все, что ей предначертано свыше. Но если мужчина, спасший ее от неминуемой смерти, на худой конец, от позорного рабства, отнесется к ней плохо, она не выдержит, покончит с собой. Все можно стерпеть, но только не пренебрежение к самой себе.

А с остальным она справится. Пусть не думают, что она худенькая и слабенькая. Она все выдержит рядом с любимым мужчиной...

С этой мыслью она дождалась вечера, с нею же проснулась, зябко кутаясь, на своем жестком лежаке у самого входа, наспех устроенного человеком, который должен был стать ее мужем, вернее, уже стал им по их дикарским обычаям. Не так должно было случиться по их вере...

Все же нечто похожее на свадьбу в ее жизни случилось. Их посадили вместе, и при свете костра человек, называемый шаманом, с чудовищно раскрашенным лицом в дикой пляске кружил возле них. Он истошно завывал, высоко подпрыгивал и выбивал немыслимую дробь на бубне. Порой он понижал голос до плохо различимого бормотания, временами громко кричал, видимо, обращаясь к своим Небесным Богам...

После долгого и утомительного обряда под одобрительные крики и веселое улюлюканье молодых гурьбой отвели в новенький, специально для них отстроенный шалаш.

– Ты – мой муж, – прошептала она, когда их оставили одних.

– А? – охотник непонимающе раскрыл глаза.

– Ты – мой муж... – улыбаясь, Суара крепко прижала узкую ладошку к своей груди, там, где учащенно билось ее взволнованное сердечко.

Потом она дотронулась до его груди, пытаясь жестами показать, что теперь они стали единым целым, коснулась своих губ и ласково провела пальчиками по его сжатым губам, и тогда они тут же под их легким напором раздались, открывая его широкую улыбку.

– Я, – она снова прижала руку к своей груди, – я люблю тебя...

Хорилартай уловил, скорее, просто догадался в звуках, сорвавшихся с ее нежных уст, что-то знакомое, и в ответ жарко произнес:

– Я люблю тебя, Суара...

– Я люблю тебя, я люблю тебя... – немного коверкая чужую речь, нараспев произнесла девушка, и лицо ее осветилось тихой улыбкой.

Для закрепления повторила она самые первые слова, узнанные ею, прекраснее которых для нее в данную минуту ничего не нашлось.

Произнесла она и замерла в томительном ожидании, где-то в самой глубинке души ощущая невольный подсознательный страх перед возможным повторением неприятных ощущений. Но, к совершенному изумлению ее, все произошло чудесно и прекрасно.

Мужчина чутко прислушивался к ее состоянию, на этот раз никуда не спешил и доставил своей новой жене невероятное, по ее понятию, наслаждение. Тяжело дыша, девушка изумленно хлопала пушистыми ресничками. Если отношения мужчины и женщины могут доставить таковую несказанную радость, то ради нее вполне можно стерпеть и кое-какие неудобства. Лишь бы Хорилартай всегда любил ее...

Лесной охотник полюбил свою маленькую красавицу-жену, носил ее на руках, баюкал и нежил. К исходу следующей зимы, он с гордостью качал на своих руках маленький громко кричащий красный комок, их первенца. Когда через год родилась дочь, счастьем его не было предела.

Он просто не мог на нее насмотреться. Все время искал в ее чертах сходство с тончайшими прекрасными линиями материнского лица и всякий раз, к своему величайшему удовольствию, находил. Их дочь подрастала и с годами все больше походила на свою мать.

– Моя прекрасная Аланка, – с гордостью шептала Суара.

Девочку называли Алан-Гоа – «Прекрасная Аланка». Глядя на свою подрастающую дочь, Суара с тихой грустной улыбкой вспоминала свое, как ей казалось, счастливое и беззаботное детство, что она провела далеко от этого сурового края, в прекрасной и благодатной Персии.

Ее родители вышли из гордого племени алан, былинные подвиги богатырей которого, обрастая подробностями, долетели и до этих лесов.

После памятного похода на охоту, когда Хорилартай вместо добычи привел с собой прекрасную чужеземку, трех верховых лошадей, переметные сумы, наполненные всяким, пригрозившимся в хозяйстве, добром, дела его быстро пошли в гору.

Ни тогда и ни после он не обмолвился, что, обыскивая одного из степняков, нашел хорошо припрятанную на его груди суму с тускло поблескивающими золотыми дирхемами и серебряными деньгами.

Скрыв от всех свою тайну, закопал богатства в укромном местечке, потихоньку извлекал монетки по мере надобности. У него хватило ума не хвастать перед всеми неожиданно свалившейся на него удачей.

И никто в племени не догадался, в чем кроется истинная причина быстрого роста благосостояния семьи Хорилартай-Мергена, приписав его умению, сноровке и, само собой разумеется, удачливости в охоте.

Но без нее, без удачи, в их жизни счастья никогда и не видать. А вот Хорилартай, видно, свою птицу-удачу за хвост-то таки и поймал.

И явилась птичка счастья к нему под видом Суары, которую он, не растерявшись, ухватил двумя руками и больше не выпускает.

И никто с того самого дня в племени хори-туматов над лесным охотником больше не посмеивался. Сородичи и соплеменники смотрели на него с уважением, а многие и с толикой зависти, со временем переросшей в черную зависть. Не всем нравилась его удача, а особенно его возросшее влияние на своих близких и товарищей при решении многочисленных вопросов, постоянно возникающих в процессе их нелегкой жизни. Не всем пришлось по нраву то, что со временем Хорилартай поставил чуть поодаль от их поселения, выбрав небольшую полянку,

добротную юрту. Кое-что он смастерил сам, кое-что выковал их кузнец, кое-что частично выменяли у степных кочевников...

Тесные контакты с соседями-степняками никогда не прерывались. В поисках пышных мехов далеко на полуночное солнце забирались арабские, персидские и уйгурские торговцы. Так как лесовики денег не знали, то этим купцам порой приходилось нелегко, для обмена на меха пушных зверей они перегоняли тысячи баранов в северные леса.

Степняки взамен отдавали свой войлок, шерсть и продукты. Племена лесных охотников даже стали специализироваться в охоте на различных зверей: булгачин – «соболевщики» и керемучин – «белковщики».

От этой взаимовыгодной торговли происходило разделение родов по достатку. У более богатых сородичей появились лошади, удобная шерстяная и даже шелковая одежда, их скудный рацион разнообразили просяные и пшеничные лепешки...

Собирая деревянный каркас, Хорилартай-Мерген напевал себе под нос незамысловатую песенку про «Голубую юрту», неизвестно откуда пришедшую к ним из глубины веков. Порой и местами заменял слова:

Шерсть собрали с тысячи овец,
Сотни две сковали мне колец,
Круглый остов из прибрежных ив
Прочен, свеж, удобен и красив...

Отошел в сторону, с любовью осмотрел творение своих рук. Каждая жердочка, ровная и прямая, тщательно подобрана им самим. Охочие до работы руки принялись за дело. Вновь полились слова радостной песни:

В северной прозрачной синеве
Мерген ставил юрту на траве,
И теперь, как голубая мгла,
Счастьем в жизнь его она пришла.
Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя ее твердеет грудь...
Как у той, что я люблю,
Днем и ночью нежу и люблю...

Стоявшая в двух-трех шагах от него молодая женщина застенчиво прикрыла глаза рукой, смущенная столь откровенным сравнением, прячась от лукавого мужского взгляда, направленного на нее.

Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри уютно и тепло.
Удалившись от степей и гор,
Юрта прибрела ко мне во двор.
Тень ее прекрасна под луной,
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея – стена,
Не страшна и снега пелена.
Там меха искристые лежат,
Прикрывая струн певучих ряд.

Там певец садится в стороне,
Там плясунья пляшет при огне.

Подхватив мотив, Суара нежно пропела:

В юрту мне милей войти, чем в дом...

Знала она, не нужны ей каменные дворцы, высокие потолки, лишь бы ее любимый муж был рядом. Давно уже она привыкла к вольной жизни посреди урманов, рядом с весело журчащими ручейками, с причудливо извивающейся речушкой. Ничего другого ей не надо...

Млея под ее взглядом, охотник продолжил:

Пьяный сплю на войлоке сухом...

Укоряя, женщина прижала пальчик к мужним губам:

Очага багряные огни
Весело сплетаются в тени,
Угольки таят в себе жару,
Точно орхидеи поутру...

Женский голос замер, и Хорилартай потянул сам:

Медленно над сумраком пустым
Тянется ночной священный дым.
Даже к пологу из орхидей
Не увлечь из этих юрт людей...

В его сильный и густой голос незаметно вплелась нежная трель:

Тем, кто в шалашах из ивняка,
Мягкая зима и та горька...

В памяти ее еще остался первый год, проведенный в таком шалаше. Трудно ей пришлось, пока она ко всему не привыкла. Спасало только то, что рядом она постоянно ощущала теплое и сильное плечо мужа. А вместе с ним ей все казалось нипочем...

Крепко прижимая к себе гибкое тело жены, охотник гордо допел:

В юрте я приму моих гостей,
Юрту сберегу я для детей.
Цзиньский хан покрыл дворцы резьбой,
— Что они пред юртой голубой!
Я всем этим цзиньским-то родам
Юрту за дворцы их не отдам...

Прикрыв глаза, Суара отдалась мечтам, в которых она явственно видела, как их потомок повергнет в прах цзиньские государства...

Их шаман по секрету сообщил ей о том, что у него было видение. Страшная гроза пронеслась по всей их земле. Бури и ураганы. И в озарении блеска ослепительных вспышек мол-

ний он видел человека, который потрясет и завоюет всю Вселенную. Тогда она непонимающе пожала плечами, спросила о том, какое она сама имеет отношение ко всему виденному шаманом. А тот, усмехаясь, пророчил, что ее дочь станет прародительницей великого народа. Их дочь, Алан-Гоа...

Глава III. Трактат об устройстве государства

Дотошный векиль выставил точные весы и бросил на чашу весов золотое украшение, принесенное мастером бронзовых дел Булатом. Но перед этим он долго любовался искусно выполненной работой и сам даже не скрывал своего восхищения.

На этот раз мастер, творец прекрасного, которому были подвластны и серебро, и золото, не говоря уже о бронзе, превзошел самого себя.

Заказанные ему любимой племянницей булгарского эмира височные подвески вышли на славу.

– Ничего ты не украл? – верный слуга повелителя подозрительно посмотрел на мастера. – Смотри у меня! – страдал он.

Сам, готовый прибрать к своим рукам все, что только плохо лежит, он также думал и про всех других людей, мерил их честность по себе.

– Как сие можно, уважаемый! – с почтительным поклоном ответил Булат, со всей тщательностью укрывая и пряча глубже ироническую усмешку. – Прими остаток...

– Положи на весы!

Небольшой довесок благородного металла опустился на тщательно отполированную чашу рядом с готовым украшением.

Заглянув в дэфтяр, векиль отсчитал и кинул на противоположную чашу столько золотых монет, сколько выдал их для выполнения заказа.

Прищуриль глаз, хранитель сокровищ дворца бдительно наблюдал за тем, как колебалась стрелка, совершая замедляющиеся движения из одной стороны в другую, словно строгий судья, никак не решающийся принять окончательное решение: казнить или помиловать.

Наконец, вестница судьбы остановилась, замерев где-то на середине, свидетельствуя о том, что грузы с обеих сторон примерно равны, и вот мастер с облегчением вздохнул.

– А не подмешал ли ты к золоту серебро? – тяжелый недоверчивый взгляд острым буром дырявил грудь кузнеца.

– Как можно, уважаемый? – Булат непонимающе развел руками.

Он прекрасно понимал, что проверить свою догадку, будь она сущей правдой, векиль все равно бы никогда не смог, но его честь мастера не допускала даже самой такой мысли. Как он мог обмануть Принцессу, заботой которой дела у всей их большой семьи быстро пошли в гору.

– Гляди ты у меня, мастер, узнаю, – смотритель дворца погрозил крючковатым пальцем, – не избежать тебе плетей и темного зиндана...

– О, Аллах, избавь нас от этакой участи...

В смутной надежде выглянув в окошко, Гюль, наконец-то, к своей огромной радости заметила, как в дальнем углу двора с независимым видом неспешно прогуливался парнишка, от одного лишь взгляда на которого девическое сердечко пускалось в пляс. Оглянув придирчивым взглядом спальню и найдя все в полном порядке, она выскользнула за дверь и быстрыми семенящими шажками заспешила к выходу.

Не оборачиваясь назад, Заки каким-то внутренним чувством понял о ее приближении. Не подавая вида, что он ждал именно эту девушку, направился на задний двор, где их не могли заметить чужие и очень любопытные глаза, чтоб досужие сплетни не побежали по всему двору.

Встретившиеся, расширившиеся от радости глаза сами досказали то, что не произнеслось вслух. Молчаливые руки дополнили их немое повествование. Жаждающие губы сомкнулись и замерли в упоительном поцелуе. Так могло продолжаться, верно, и целую вечность, но время на этот раз выступало, увы, не на их стороне. Парню, к его немалому и нескрывае-

мому сожалению, пришлось оторваться и чуть отвести в сторону льнувшие к его телу тонкие девичьи руки.

– Любимая, – прошептал он, неотрывно глядя в ее ярко блестящие широко открытые глаза, – я сделал для тебя небольшой подарок.

– О, Аллах! Оно мне?!

Вздых изумленного восхищения вырвался из юной, затрепетавшей от ожидания, груди, когда на ладони Заки оказалась тоненькая серебряная змейка, обвившаяся вокруг узкого запястья в три широких кольца, с приплюснутым хвостом, с гордо приподнятой головкой, раздувшейся, как у ядовитой гюрзы, с язычком, раздвоенным на самом кончике.

– Какая прелесть! – тихо-тихо прошептала Гюль. – Оно ты мне? Ты сделал сам?

– Сам. Почти сам, – краснея от смущения, признался парень. – Дядя Булат мне немного помог.

– Пойдем, – девушка потянула его за собой в укромное местечко, где их точно никто не увидит и не потревожит. – Я до вечера свободна...

Вернувшись в покои после ужина, Айша с насмешливой улыбкой наблюдала за излишне суеющей служанкой, которая старательно отворачивала от нее свои алеющие распухшие губы.

– Опять целовалась со своим мальчишкой? – свистящим шепотом спросила она и, не выдержав строгого тона, первая же и рассмеялась. – Смотри, доиграешься, принесешь в подоле, стыда потом не оберешься. Знаешь, что опосля с такими женщинами бывает?

– Ты что, госпожа! – Гюль, протягивая руки вверх, рухнула на колени. – Мы только целуемся.

– Ага! – Айша недоверчиво хмыкнула. – Целуются они только...

Хотела она добавить, но вместо этого стыдливая краска залила ее нежное личико, и оно вдруг запылало. Стало чуточку завидно, самой захотелось оказаться во власти такого же всепоглощающего чувства. Неужели другим оно подвластно, а ей подобного никогда не испытать?

– Госпожа! – Гюль вовсе неправильно истолковала ее естественное смущение, ошибочно приняла его за самое горячее возмущение, а потому испугалась возможных последствий.

Не поднимаясь с колен, Гюль задвигалась к Айше, ухватила за ее кисть, поднесла к своим губам и принялась иступленно целовать.

– Госпожа! Не губи! Скажешь, и я больше не увижу его! Забуду! Прикажу своему сердцу и вырву из него всю память о нем! Только ты никому ни о чем не говори! – горячно твердила она.

И за что же ей Аллах послал такое испытание? Предупреждали же ее, чтобы она даже не думала о парнях и близко к ним не приближалась.

И вот сама же на себя и накликала страшную беду. Ну, разве плохо ей было рядом с Принцессой? Всегда одета и накормлена. И забот не так уж и много. Айша, конечно, в меру капризна и своенравна, но всегда быстро отходит, поняв, что была не права, остывает и на ходу меняет свое решение, нисколько не стыдясь признать свой промах.

– О, госпожа!

– Гюль? – Принцесса недоуменно отступила, немного напуганная столь бурным натиском признания своей вины со стороны девушки-служанки. – Ты что? Ты сейчас... о чем?

Не понимая истинной причины, она была сильно удивлена и даже озадачена. Как можно отказаться в один миг от своего любимого?

Неужели оно возможно? Или же все это сказки, просто выдуманные про любовь, одну единственную и неповторимую? Разве можно взять и забыть? Просто взять и все забыть?

– Госпожа, прошу тебя, никому не говори!

– Не говорить? – лукавая улыбка на лице Айши ясно показала, что она начала кое о чем догадываться. – Просишь, чтоб не говорить...

Наверное, такового качества как вредность в ней с рождения было заложено с избытком, но она как-то умела применять его избирательно и только забавы ради. А тут, какие шутки могут быть, когда у человека вся судьба зависит от одного-единственного словечка.

– Госпожа, умоляю тебя! – горячечные глаза Гюль почти безуспешно пытались поймать ускользающий взгляд хозяйки, и внутренний трепет охватил ее, еще немного и она забьется в судорожных рыданиях.

– А скажи-ка мне, – Айша, наконец, повернула свой взор в сторону служанки, – скажи мне, что чувствуешь, ну, когда ты... целуешься...

Даже привыкшая к причудам и неожиданным поступкам хозяйки, Гюль оторопело открыла ротик на всю его ширину и молча хлопала густыми ресничками, потеряла на какое-то время дар речи.

– Ты тут что... язык того... проглотила? – лукаво прищурившись, осведомилась Айша. – Тебе его... оное... тот малай откусил? Подожди-ка, – ее пальчик задумчиво прошелся по прекрасно очерченным губкам, – насколько мне помнится, ты только что до того горячо умоляла...

Ласковый голосок, зазвучавший из уст вовсе нисколько на нее не рассерженной хозяйки с трудом, но все-таки вывел Гюль из состояния заторможенного оцепенения, и служанка, украдкой смахнув с ресничек предательски выступившие влажные капельки, смущенно улыбнулась:

– Я просила тебя, госпожа...

– Фу! – фыркнула Айша. – Наконец-то, немая наша заговорила...

Слушая сбивчивый рассказ своей служанки и по совместительству самой близкой подружки, кому она доверяла все свои сокровенные тайны, девушка вскользь думала, как ей лучше сказать о том, что она приготовила для Гюль подарок. А может, пока погодить, обговорить этот вопрос поначалу с матерью, спросить у нее доброго совета. Все-таки, не какая-то там ничего не стоящая безделушка, а самое настоящее золотое украшение, обошедшееся ее дяде-эмиру безумно дорого.

Под конец своего рассказа Гюль призналась:

– Госпожа, я люблю его, жизни без него не мыслю!

– Вот ты и выходи за него замуж, – с легкомысленной бездумностью произнесла Айша.

– Ты... ты меня что, отпустишь? – с всколыхнувшейся надеждой спросила служанка, снова опускаясь на колени. – Ты дашь мне свободу?

– Мы поговорим об этом чуть позже, – Айша нахмурилась.

Об этом, о том, что Гюль всего лишь навсегда служанка-рабыня, она вовсе и позабыла. Не все настолько просто, как ей казалось поначалу. Нет, разговора с матерью ей все-таки не избежать.

Вдоволь насмотревшись на темные, уходящие вдаль урманы, Заки тяжело вздохнул, спустился с крепостной стены и медленно побрел в сторону дома, шел, не замечая ничего вокруг себя, видел перед собой одни блестящие девичьи глаза.

Радостно было на душе его и одновременно тревожно. Радость переполняла парня, оттого что он любит и его любят. Тревожно было за их совместное будущее. Неизвестно, как еще все повернется. Вошел во двор он и чуть не столкнулся с отцом.

– Улым, – с усмешкой спросил Тимер, – чего ты спишь на ходу?

Ответа не последовало, но отрешенный и безучастный ко всему взгляд сына натолкнул кузнеца на верную мысль.

– Мать, – позвал он жену, – посмотри-ка, наш парень влюбился, идет и спит на ходу, мух открытым ртом ловит.

– Правда, сынок? – женщина ласково провела по непослушным вихрам Заки.

Смущенный взгляд, освещенный тихой улыбкой, послужил ответом.

– И кто же твоя избранница? – отец подбоченился. – Скажи, к кому собираемся направлять сватов? – хорохорился кузнец.

В последнее время дела у них пошли на лад, от заказов отбоя не стало, денежки зазвенели в суме. Не самыми последними людьми стали они в городе. Многие теперь не откажутся от родства с ними.

– Служанка нашей Принцессы, – моргая, выдавил из себя Заки, предчувствуя, что своим признанием он поднимет настоящую бурю.

– Вай-вай-вай! – обхватив голову руками, запричитала мать, бледные пятна проступили на ее лице.

– Ты, улым, наверное, поел «волчьих» ягод, – кузнец озадаченно провел пятерней по затылку.

Ну и задачку задал им сынок! Нашел, на кого смотреть. Хорошо еще, что Аллах надоумил его не посмотреть в сторону самой Принцессы.

От досады он смачно сплюнул, схватил плотницкий топор и застукал по бревну, вырубая венец, кромсая дерево в щепы, отводя душу.

Вот и построил он новый дом! Как же! Нынче уже не скоро вернется он к постройке. Все деньги уйдут на то, чтобы выкупить девушку.

О том, что из этой затеи ничего не выйдет, он не хотел думать, не хотел, потому что боялся, сильно опасался того, что Принцесса не захочет расставаться с прислугой, ставшей, проще говоря, привычной и необходимой в обыденном обиходе вещью...

Тяжело вздохнув, Айша вышла из своей спальни и направилась к покоям матери. Но нашла она там только тетю Насиму. Племянница эмира знала, что ее названная тетя родом из Руси и была захвачена во время похода на Великий Устюг Ахмед-бием. Потом тот женился на своей очаровательной полонянке. Улугбек был их младшим сыном.

Невыразимо прекрасная в своей ярко расцветшей красоте, женщина с томным выражением на своем лице полулежала на мягких подушках, грациозными движениями отправляла в рот сочные восточные сладости.

Сушеные финики, доставленные из далекого Арабистана, изюм и курага таяли во рту, доставляя ей при этом несказанное удовольствие. Неблизкий путь они для этого проделали, сладости эти.

– Ты ищешь маму? – названная сестра Суюм тепло улыбнулась. – Она у своего брата. Они решают какой-то очень важный вопрос. И муж мой там, оставил меня одну...

– Апа, она скоро вернется? – присаживаясь рядом, спросила Айша.

– Об этом одному только Аллаху ведомо, – произнося эту фразу, Насима, конечно же, имела в виду своего Бога.

В душе она все равно осталась Настей. Впрочем, особой разницы она в этом не видела, понимая и осозная, что Бог на Небе един. Просто люди называют его по своему неведению по-разному. Главное, чтобы вера в Него жила в самой душе...

Тревожно-гнетущая тишина воцарилась в небольшой комнате для приемов, в которой на тот час собрались самые близкие. Эмир сообщил им о том, что его силы давно уже подтачивает какой-то неведомый недуг. Дальше скрывать хворь от них он не может, особенно в свете той беспокойной обстановки, что сложилась на границах их державы.

– Может, мой царственный брат, – со всей присущей ей мягкостью и осторожностью произнесла Суюм, – все не так страшно, как кажется?

– Нет, моя дорогая сестра, – эмир горько усмехнулся, – я боюсь, что все может решиться много раньше.

– Отец! – задрожал голос старшего сына эмира. – Мы все желаем тебе крепкого здоровья. Здравствуй и управляй нами, как прежде!

Печально-грустная улыбка тихо разлилась по побледневшим щекам повелителя булгарской страны. Как было все раньше, так уже никогда не будет. В одну реку дважды не войдешь.

– Ахмед-бек, я призвал тебя, чтобы ты помог моему сыну взять бразды правления в свои руки. Мы издадим фирман о том, что Габдулла отныне станет моим соправителем.

– Я не достоин столь высокой чести, отец!

– Всему, сын мой, когда-то приходит конец. Тебе продолжать дело, начатое нашими предками. Одно только не дает мне покоя, что не в легкий час на твои плечи ляжет эта тяжелая ноша. Татары стоят рядом с нашими землями. Они подошли слишком близко... – вздохнул эмир.

Давно уже неведомый ранее народ смотрит в их сторону. Никак они не могут позабыть позора той «Бараньей битвы», когда их непобедимый Субэдэй был наголову разбит ими, булгарами, когда неведомые прежде татары после битвы на Калке возвращались в свои края...

Грозовые тучи собирались и сгушались. И в центре их находился злой гений татар – Субэдэй. Что именно замышляет степной барс...

Не дождавшись возвращения матери, Айша, теряясь в догадках по поводу ее долгого отсутствия, заглянула в комнату своего названного братца Улугбека. Оставленный в одиночестве, малый в сосредоточенной задумчивости неспешно выстраивал на полу свои многочисленные игрушечные войска, отдавал ему одному ведомые приказы и передвигал фигурки, посылая конницу в быстрые фланговые прорывы, обхватывая вражеские полки. Быстренько поменяв свою диспозицию, смотрел на поле битвы совершенно другими глазами, выдвигая навстречу конникам ошетилившуюся копьями пехоту, притворно отступал...

Увидев перед собой девушку, он радостно заулыбался:

– Апа, давай, сыграем. Буду только по-честному, – заверил Улугбек, почувствовав в ее глазах нерешительность или же отсутствие желания.

– Что-то мне не хочется, – честно призналась Айша. – Ты не думай, просто настроения нет... – улыбнулась она.

Знала Айша, чтоб выиграть у настырного малая, надо целиком отдаться игре, а как тут настроиться, если мысли все разбежались по самым разным уголкам и никак не желают собираться вместе.

– Ты оное... того... сам играй, а я тихонечко посижу, посмотрю...

Но тихо посидеть, подумать о своем не удалось. Как неожиданный резкий порыв осеннего ветра, в комнату влетела взволнованная Гюль, низко поклонилась и отчего-то перешла на громкий шепот:

– Госпожа, тебя к себе зовет наш повелитель. И этого малая тоже, – она сверкнула глазами в сторону притихшего мальчика.

Направляясь к нему в комнату, Гюль так и думала, что встретит тут и свою Принцессу. В последнее время названные брат и сестра почти все время вместе. Иногда служанке казалось, что они даже родные брат и сестра, а не названные. Порой она явственно видела в них сходство. И сразу же мысленно принималась махать на свои мысли рукой...

– Давно ты меня ищешь? – Айша испытывающе прищурилась.

Уходя, она не сказала, куда собралась идти. Немало времени она провела в комнате матери, прежде чем завернуть к Улугбеку.

– Нет, госпожа, я сразу побежала в комнату малая.

– А сколько искали тебя саму? – по губам Принцессы скользнула ироничная улыбка. – Начиная с обеда? – ядовито усмехнулась она, ибо в последнее время застать ее прислугу на месте – большая удача.

– Я... я все время сидела в комнате! – заверила Гюль.

К их общему счастью, в этот вечер она не убежала из дворца, хотя ее сильно подмывало воспользоваться долгим отсутствием своей госпожи и хотя бы одним глазком посмотреть на любимого парня, перекинуться с ним словечком-другим, а затем быстро вернуться назад, словно ничего и не было и никуда она не отлучалась.

Но на этот раз Аллах, видно, надомил ее, внушил благоразумную мысль, и она никуда не пошла. А потому посланники эмира нашли ее сразу, и она тотчас стремглав помчалась на поиски Принцессы.

– Так я тебе сразу и поверила! – кривя губки, на ходу бросила Айша, увлекая за собой мальчишку, несколько встревоженного внезапным призывом к себе повелителя их жизней и душ.

Малаю не очень-то хотелось снова оказаться перед строгими очами эмира. Одно только успокаивало его, что названная сестра идет вместе с ним, а с ней вместе ему ничего не страшно.

– Абый, ты искал нас? – выступив чуть вперед, на всякий случай прикрыв собой смущенно потупившегося малая, Айша почтительно поклонилась перед владыкой земли булгарской.

Скосив глаз, в глубине комнаты она заметила свою непринужденно восседающую мать с открытой, полной доброжелательности улыбкой на губах и немного успокоилась.

Если бы что-то случилось из ряда вон выходящее, сестра эмира не была бы столь спокойна в присутствии своего разгневанного брата.

– Искал, – эмир ласково провел рукой по ее роскошным волосам, на мгновение прижал к себе, вдохнул в себя пьянящий аромат беспечной юности, опомнившись, быстро отпустил, дразня, прошелся пальцем по чуть вздернутому мальчишескому носу. – Я хотел вам показать...

Доставая с полки рукопись, он не удержался и оглянулся. Несмотря на разницу в возрасте, Улугбек почти догнал в росте свою названную сестру, а если принять во внимание каблучки на ее туфельках и красную шапочку на голове, искусно украшенную жемчугом, то он не уступал ей. Пройдет немного времени, и из малая выйдет неплохой жених.

К примеру, для его племянницы. Он подумывал об этом. Ахмед-бек занимает в их государстве высокое положение, а потому никого не удивит, если его сын породнится с самим эмиром.

Его племянница Айша по праву, отошедшему к ней от безвременно погибшего отца Махмед-бека, является единственной наследницей всех земель Сувар. А Ахмед-бек один из самых влиятельных владетельных князей в этой области. Все сходится один к одному...

Задержавшись, внимательный взгляд эмира споткнулся об внезапно проявившееся, порой едва заметное и смутное, но в данный миг до удивления поразительное, сходство между Улугбеком и Айшой.

Нет, не во всем, но в манере смотреть, в одинаковом прищуре глаз, таком же, как и у его любимой сестры Суюм. Что это: следствие того, что мальчик много времени проводит в окружении его племянницы и ее матери или же причина сходства кроется в ином?

О, Аллах! Если он не остановится, то сейчас шальные мысли заведут его в неведомую даль, что не выбраться. Если допустить, что его сестра родила не от отвратительного и нелюбимого ею мужа, а от красавца Ахмеда, в то время состоявшего в личной охране дворца в Суваре...

Да вот беда – сам Улугбек никак не похож на своего отца Ахмед-бека. Откуда же сходство? От самой Суюм? С ума можно сойти.

– Айша, ты стала у нас достаточно взрослой, и настало тебе время познакомиться с тем, как устроена наша жизнь. Это, – эмир любовно разгладил раскрытую им первую страницу, – «Трактат об устройстве государства». Тебе полезно узнать об этом.

Недоуменно хлопнув ресничками, Айша не удержалась и спросила:

– Абый, зачем мне оно? Ты же сам говорил, что удел женщины – исправно рожать и заботливо воспитывать детей.

Снисходительная улыбка появилась на седеющих усах эмира, затем она перешла на его густую бороду:

– Оно удел простых женщин. А в тебе, моя девочка, течет наша царственная кровь. Когда-то мы с твоей мамой именно об этом долго беседовали. Спроси у нее, она тебе обстоятельно расскажет...

Сестра эмира моргнула. Столько воды утекло с той поры, но она хорошо помнит тот день, когда эмир вызвал ее к себе и на Малом семейном Диване неожиданно объявил о своем решении:

– Мы повелеваем, чтобы наша сестра вышла замуж за Махмед-бека.

Слова прозвучали ударом хлыста, она покачнулась, круги, медленно расплываясь, пошли перед ее глазами. Худшей доли для себя она и не могла бы придумать. Глава племени суvara и грузен, и собой некрасив. Ему далеко за сорок. На ее губах еще гуляла не успевшая стереться почтительная улыбка, а в самой потаенной глубине красивых девичьих глаз уже появилась, заполоскалась смертельная тоска. Сам не ведая того, эмир словно подписал ей суровый приговор.

– Мой царственный брат желает, чтобы я исполнила его волю? Но пусть он знает, – девушка гордо выпрямила свою прекрасную головку, – что для меня лучше смерть, чем стать женой Махмед-бека.

Сжав тонкие губы, эмир хлопнул в ладоши, объявляя об окончании заседания Малого дивана, на который приглашались самые доверенные и близкие люди к правителю.

Когда из комнаты вышли, он поднялся с трона, подошел к одиноко стоявшей сестре. Объявляя свое решение, он предполагал, что встретит с ее стороны ожесточенное сопротивление, и приготовился к этому.

– Дорогая Суюм...

– Ты тут говоришь со мной... – девушка гневно сверкнула горящими глазами, упрямо вздернула гордый подбородок и отвела его в сторону, – как эмир или брат?

В ее глазах горела решимость. Если этот человек желает поговорить с ней как владыка ее, то она не проронит в ответ ему ни слова.

– Я хочу поговорить с тобой как брат.

– Хорошо, мой любимый брат, – ее взор смягчился, – я слушаю тебя.

– Дорогая Суюм... – рука царственного брата мягко опустилась на ее подрагивающее плечико. – Я нашел для тебя жениха.

Девушка поморщилась, зачем повторяться. Может, эмир находится в нерешительности, может его решение еще не окончательное...

– Юсуф, мой дорогой и любимый брат, – в какой-то необъяснимой надежде выдохнула она, – ты же знаешь, что мое сердце занято, что я люблю другого человека.

– Да-да, я знаю, – эмир презрительно сощурился. – Сей наглец набрался наглости и сегодня утром просил у меня твоей руки.

Девичье сердечко громко-громко екнуло:

– Он просил у тебя моей руки?

Нежные щеки вспыхнули и запылали алой краской. Полгода всего назад на туге победы она познакомилась с молодым красавцем Ахмед-бием. Нет, в тот день она изволила в толпе приближенных к государю заметить новое лицо и обратила на него свое внимание.

Пышные празднества продолжались долго. Ежедневно устраивались скачки, всевозможные состязания и общие охоты...

Во время развлечений Суюм довелось с глазу на глаз встречаться с сильно понравившимся ей джигитом, обменяться с ним несколькими шутивными фразами, будто бы ничего для нее не значащими.

С каждой новой встречей красивый и статный юноша нравился ей все больше и больше, и она вскоре с удивлением и даже с некоторой легкой досадой почувствовала, что он все прочнее овладевает всеми ее помыслами. И дня одного не проходило, чтобы ей не захотелось с ним встретиться. И в сердце ее думы только о нем, о нем...

Наверное, то же самое творилось и в душе Ахмед-бия. Но вот уже несколько дней, как она заметила, джигит избегает глядеть на нее. И неожиданно для самой себя Суюм была сильно поражена происшедшей с ним разительной переменой. Она сама подошла к нему.

Как и прежде, юноша приветливо улыбнулся ей, но она увидела, как тотчас в его черных и глубоких, как омут, глазах отразилась такая великая скорбь, что девичье сердечко защемило. Суюм сразу поняла, что, должно быть, случилось что-то ужасно неприятное.

Какое-то смутное чувство вдруг вкралось в ее душу, и оно громко говорило о том, что это может касаться их обоих.

– Что с тобой, мой храбрый джигит? – участливо спросила она, когда они оказались вдали от любопытных ушей. – Я заметила или мне оное только показалось, что тебя что-то гнетет?

– Тебе показалось, прекрасная Принцесса, – деланно засмеявшись, Ахмед отвел взгляд в сторону. – Нет у меня на сердце никакого горя.

– Твои глаза, – Суюм, укоряя, покачала головой, – говорят совсем про другое, мой храбрый джигит.

В одной книжке, привезенной из Рума – Константинополя, она прочитала, что глаза – это зеркало человеческой души. Правда, один мулла упорно уверял ее вовсе в обратном, мол, их очи предназначены, чтобы вводить в заблуждение своих врагов. Но она не поверила тогда. У честного, хорошо человека глаза никогда не врут...

– Глаза, – юноша попытался увести разговор в сторону, – как погода, ханум: иногда в нашей душе светит солнце, и тогда они смеются. Но случаются и облачные дни, и тогда они хмурятся.

– Но, – возразила она, не поддавшись на его уловку, – облака не приходят сами. Их приносит с собой ветер. И печаль тоже не приходит сама собой. Скажи, что ее принесло к тебе?

– Ветер... – не сразу ответил Ахмед. – Но он и унес ее...

Широко взмахнув рукой, юноша усмехнулся и поднял на нее глаза, которые улыбались, но за улыбкой скрывались скупые мужские слезы.

– Зачем ты меня обманываешь? – она посмотрела на него с укором. – Если не хочешь сказать мне всю правду, не говори.

– Суюм-джан...

Всем своим нутром она чувствовала, что джигит готов ей открыться, но что-то сдерживает его.

– Не надо, ничего не говори. Я ведь понимаю: кто я такая для тебя, чтобы ты стал поверять меня в свои тайны?

– Суюм-джан...

– Поверь мне, джигит, что я расспрашиваю тебя не из любопытства, а лишь потому, что всей душой желала бы помочь твоему горю.

– Я тебе верю, ханум. Но оное касается нас обоих. Я прослышал про то, что Махмед-бек собирается свататься к тебе...

Из девичьей груди вырвался невольный стон.

В ту минуту Суюм еще подумала, что ходят досужие слухи, не стала придавать им особого значения. Но Ахмед оказался прав. И он даже решился просить ее руки у брата. Значит, он

любит ее. И нисколько не сомневается в ее ответном чувстве к себе. Но он не подозревал о той опасности, которая могла его поджидать. За подобную смелость он мог запросто лишиться своей головы...

– И что ты ему ответил? – она снова напустила на себя гордый и независимый вид. – Надеюсь, ты не наказал его за дерзость?

– Мне следовало бы его наказать, – эмир усмехнулся, – примерно, чтобы другим неповадно стало. Бросить его навечно в темницу или приказать отрубить ему голову. Но мне, дорогая Суюм, не хотелось бы причинить тебе боль. Я сказал ему, что твоя рука уже несвободна.

– Ты так и сказал? – выдохнула Суюм. – Не стал его наказывать...

Такого удара она бы не перенесла. Но стать женой ненавистного ей правителя Суvara для нее несчастье, увы, не меньшее, а еще горшее.

– Какие мы стали заботливыми! – горестно воскликнула она. – Отдав меня Махмед-беку, ты не мог мне сделать еще что-то больнее.

– Союз с беком, – глаза у Юсуфа медленно холодели, обретали твердость металла, – нужен для всего нашего государства.

– В тебе снова заговорил эмир, – она огорченно вздохнула. – С таким тобой совсем невозможно говорить. Ты просто перестаешь понимать человеческие слова. Я порой теряюсь в догадках: куда девался мой так любимый мною брат? Куда же подевали его злые джины, подменив на бессердечного эмира? Прости меня за мои слова, повелитель Ильхам...

Юсуф вздрогнул, как от жалящего удара плетью. Сестра в своем отчаянии хлестнула его со всем бессердечием, попала в больное место.

Уже приподнялись вверх руки, чтобы три раза громко хлопнуть в ладони и отдать беспощадный приказ. Но он удержался. Перед ним стояла сестра, которую он любил больше всех на этом свете. И лишь только ей одной он мог простить то, что услышали его уши.

– Ахмед-бий, – потихоньку выпуская свой гнев, произнес он, – тебе не пара. Пойми же оное...

– Он... он, мой брат, – она растерянно моргнула, – приходится Махмед-беку племянником. Его род столь же знатен.

Что-то Суюм совсем перестала понимать брата. Где же связь? Чем уродец Махмед-бек лучше молодого и красивого Ахмеда?

– Его род потерял все свои земли и богатства. С ними никто не считается. И другое дело, Махмед-бек. Ты станешь хозяйкой Суvara. Твои дети станут править этими землями.

– Этого никогда не будет! – выкрикнула она в сердцах, представив себя в одной постели с жестоким и уродливым беком.

– Дорогая Суюм. Ты должна подчиниться, иначе...

– Иначе, – девичьи глаза задрожали, покрылись влажной пленкой, – ты казнишь меня, мой любимый и царственный брат? Я приму, – она опустила на одно колено, – любое твоё наказание. Смерть окажется для меня лучшим избавлением...

Нежная шейка покорно вытянулась, словно юная девушка взошла на predetermined ей злою судьбою эшафот.

– Иначе, – эмир приподнял сестру, взяв ее подрагивающие ладошки в свои крепкие руки, – страну ждут великие беды. Если ты откажешься.

– Махмед-бек пойдет на нас войной? – внезапная догадка озарила ее.

Суюм моргнула. И из-за этого она должна стать женой мерзкого, противного бека? Пусть брат покажет ему, кто владыка и повелитель!

– Уничтожь его! – с кипящей злостью и ненавистью выдохнула она.

– Он подчинил себе все племена суvara и барситов. Он силен...

После этих слов Суюм с горечью осознала, что Юсуф сам не начнет войны. Он постарается откупиться ею. Ее царственный брат не хочет, боится новой войны между родами.

– Ты, – вздох безысходности вырвался из ее груди, – кидаешь меня в жертву, отдаешь на заклатие, как жертвенного барашка?

– Моя дорогая сестра, ты должна понимать, что твое положение обязывает тебя думать, прежде всего, о нашем государстве.

– Государство! – ее полные недоумения глаза прошлись по комнате. – Что оно такое? Скажи мне...

– Государство – это мы все.

Девичьи глазки изумленно расширились, они недоуменно моргнули. Суюм непонимающе воскликнула:

– Ты владыка и повелитель. Тебе принадлежат все права.

– Дорогая Суюм, жизнь наша сложна и противоречива, однако в ней всегда прав именно тот, у кого сила, а не тот, у кого на оное есть полученные по рождению права, но, увы, у кого в руках нет силы для того, чтобы всеми этими правами обладать...

Суюм вздохнула. Как все это тяжело и крайне непросто понять. Лучше бы ей родиться в семье простого пастуха. Сейчас бегала бы она свободно по лугам, встречалась бы со своим любимым...

Брат повернул к себе ее расстроенное лицо с наворачившимися на глазках прозрачными слезинками.

– Ты, должно быть, моя дорогая Суюм, все еще дуешься на меня, думая: почему именно ты должна оное сделать, смириться перед волей брата и выйти замуж за нелюбимого человека? Зачем мы все должны уступить Махмед-беку, принеся тебя в жертву? Но такова наша жизнь: мир держится на острие меча и тонком жале стрелы. Каждый ищет богатства не на своей земле, а зарится на чужое. Пусть хотя бы тысячу раз прав тот, кто защищает свое поле, потому что он от зари и до зари ходит за ним, обильно поливает своим потом и слезами, но все равно урожай соберет тот, у кого в крепких руках послушные его воле войско и сила. Сила, она все решает...

Как бы отважны они ни были, все равно в одиночку никто свою волю не убережет. Именно свобода и станет причиной их неминуемой гибели. И лишь свобода под могучей властью владыки и повелителя, данная им из его крепких рук, оградит их от грядущего разорения.

В мире и дружбе племена и роды наши обретут новую силу, и державе нашей прибавится неисчислимого могущества...

И путь тогда кто-нибудь да посмеет пойти против единой державы! Моя любимая сестра, ты постарайся укреплять свой дух мыслью о том, что на берегах наших рек каждый должен быть связан единой волей, огляди наш мир не только из окна своей комнаты.

Посмотри шире, увидь, как навсегда соединяют свои воды Итиль и Чулман-су, где перекрестье не только двух могучих рек, но и сплетение навек жизней и судеб наших родов и племен. Вслушайся в природу, посмотри, как разумно устроен весь наш мир! Тысячи рек, речушек и родников, у истока которые легко переступит и курица, текут и из всех сил стремятся прибавить силу одной великой реки! Следуя врозь, они никогда не достигнут большой воды, высохнут по пути. А влившись в Итиль, они отдали ему свою силу и взамен взяли себе его силу. Поэтому и нет в мире иной другой реки, которая могла бы сравниться с ним!

Все, кто обитает по берегам наших рек, все должны встать рядом, обрести такую же мощь и силу. Ты, моя дорогая и любимая сестра, должна обратить силу рода Сувар не против нас, а поставить ее рядом с нами, размышляй не только о себе, переживай о других, оглядывая мир, беспокойся не о малом и суетном – ты размышляй и думай о великом...

– Я поняла тебя, – слезы текли по ее щекам, – мой царственный брат. Я выполню твою волю...

После пышной свадьбы Махмед-бек увез красавицу жену в Сувар. Сестра эмира смирилась со своей участью, родила ребенка, но дитя ее долго не прожило, тихо угасло...

Довольно мужественно встретила Суюм сокрушительное известие про скорую свадьбу любимого ею человека с плененной русинкой.

О том, что ее муж скончался по дороге и его тело везут в колоде с медом, она уже знала. Удары следовали один за другим. Один другого сокрушительнее. Но большее всего ударила по сердцу измена.

Она же ради Ахмеда рисковала всем, что у нее есть, носит под своим сердцем, возможно, его ребенка, а он, он...

Сквозь полуопущенные ресницы Суюм рассеянно наблюдала за тем, как ее брат объясняет ее детям, из чего и как складывается могучая держава, а у самой перед глазами, как живая, встала другая история, та, что недавно поведал им всем их гость, почтенный странник Хаджи Хасан, о зарождении дотоле никому неведомого народа...

Глава IV. На берегу реки Орхон

Тихое счастье прочно поселилось в новой юрте охотника Хорилартая. Но так уж устроено на грешной земле, что если где-то счастья вдруг прибывает, то в другом месте его непременно становится на столько же меньше.

Видно, совершенно позабытой мужем Шунчэ никак не давало покоя ее положение отвергнутой и всеми забытой. За годы, прошедшие с появления в племени хори-туматов Суары, она еще больше обрюзгла, превратилась в невыносимо брюзгливую, жутко вздорную и злобную женщину, от которой отворачивались, старались не связываться с нею.

Со временем все позабыли о ней. Но, на беду, она была дочерью человека, который после смерти их прежнего вождя с помощью подлых интриг и грязных наговоров вдруг стал во главе племени, оттеснив в сторону всех остальных прямых претендентов.

Внезапно вознесшийся на самую вершину родовой власти Шунтай, с его точки зрения, вполне справедливо посчитал, что ни он сам в его положении, ни его дочь никак не заслуживают того пренебрежения, с коим к его чаду относился ее муж Хорилартай.

– Он плохо кормит меня, – неопратно одетая женщина грязными пальцами размазывала по лицу злые слезы, и вождь племени, глядя на нее, брезгливо поморщился, что вышло у него неосознанно, помимо его воли, настолько неприглядное зрелище представляла собой его дочь.

Конечно, как разумно думалось ему, во многом его дочь виновата сама. Если бы она все время внимательно и тщательно следила за собой, старалась, то мужчина не отвернулся бы в сторону. Всему виной, должно быть, плохая наследственность.

Ее мать была точно такой же. Она же ничему не научила свою дочь, в детстве потакала во всем, ничего не заставляла делать, избаловала.

Если бы еще уродилась писаной красавицей. А то пришлось сбыть ее с рук, отдать замуж за первого попавшегося на глаза простого охотника, который не смог отказаться от, по их понятиям, выгодного посула.

Хорилартаю позарез требовалась жена, а денег у него отродясь не водилось. Вот они и ударили по рукам. А тут еще оказалось, что Шунчэ вдобавок ко всем ее природным недостаткам к тому же бесплодна.

Поначалу он грешил на охотника, но когда тот от второй жены стал получать вполне здоровый приплод, причина прояснилась...

С другой стороны, Хорилартай обязан был по их законам и древним обычаям содержать своих жен. Правда, охотник все же как-то пытался вернуть ему, Шунтаю, дочь назад, но он смог отговорить Мергена от этого шага, чтобы по племени не пошли всякие ненужные разговоры.

– Смотри, отец, в чем я вынуждена ходить, – сквозь всхлипывания запричитала Шунчэ.

Лицемерно выдавливая из себя слезы, она не стала говорить о том, что два своих новых наряда еще в прошлом месяце обменяла у заезжего торговца на бурдюк сладкого вина, к которому стала до ужаса охоча.

И потом тайком попивала, находя успокоение и веселя душу. Тогда отступало от нее одиночество, от которого она страдала постольку, поскольку все приходилось делать самой. Если бы кто-то готовил пищу, убирал вместо нее, а она сидела бы в своем темном углу и мечтала.

– Он выстроил своей мерзавке, что отняла у меня мужа, новую юрту и поселился в ней сам. А я до сих пор мерзну в старой хижине.

На загоревшее лицо Шунтая набежала и прочно обосновалась темная тень. Зять необдуманным поступком выказал пренебрежение к их семье.

– Он к тебе не приходит?

– Редко. Отец, он не меня позорит, – дочь своими злыми словами щедро подливала масло в огонь, – он позорит тебя, нашего вождя.

Подобного выпада Шунтай стерпеть не смог и вскочил.

– Я заставлю уважать меня! – выкрикнул он, приходя в неописуемое бешенство, сверкая своими налившимися кровью глазами, разбрызгивая по сторонам ядовитую слюну.

– Отбери у него юрту, отдай ее мне...

– Юрту забрать... – вождь призадумался.

Не просто взять и отнять юрту. Даже он, вождь, не в силах. К тому же, охотник не из их рода, а из рода хори. А они сами принадлежат к роду туматов. Оттого и стал возможен брак между его дочерью и Хорилартаем, что они из разных родов. Когда-то они объединились под началом рода хори. Потом верховная власть перешла к роду туматов.

Многим сразу не понравится, что их новый вождь притесняет ранее главенствующий род. Начнутся ненужные трения между родами...

Напряжение, невидимое со стороны, зрело в племени исподволь, набирало силу, скапливая по малой капле тихо закипающую вражду, готовясь жарко вспыхнуть в самое неподходящее время.

Однако на стороне людей из рода хори стоял верховный шаман племени. Он-то первым и узрел зреющую между родами вражду и неотвратимо надвигающуюся опасность.

– Женщина, – тихо шепнул он Суаре, когда они на миг остались одни, – предупреди своего мужа, что наш вождь Шунтай напился яда из злобных уст своей дочери и замыслил худое против вас всех...

Умному человеку, каким считалась вторая жена лесного охотника, хватило и наполненного туманом намека. Поразмыслив, она, сложив все концы и ниточки последних событий, все поняла.

Если ей дороги жизнь ее родных детей, собственная жизнь и жизнь любимого мужа, то следует что-то срочно предпринимать.

Предупрежден, значит, вооружен. Не раз и не два слышала Суара эти слова из уст своего отца. А потому она, не откладывая на «потом», тут же обо всем рассказала своему мужу.

– Выходит, – Хорилартай горько усмехнулся, – мой тесть захотел войны. Думается, что это Шунчэ раздула огонь вражды.

К вечеру в просторной юрте собрались сородичи лесного охотника. Многим из них не особо нравились порядки, что стали устанавливаться с приходом к власти туматов.

– Наше племя за последние годы, – задумчиво произнес почтенный аксакал, пользующийся среди рода хори заслуженным уважением, – сильно раздулось. Земли и мест для охоты на всех не хватает.

– Отделимся, найдем себе другие земли! – горячась, вскочил юный племянник Хорилартая.

Видно, его идея пришлась по душе не всем. Нашлись осторожные, которые предпочитали призрачное состояние хотя бы какой-то плохой дружбы полному неясностям и таящему в себе множество опасностей походу на новые земли, в «неизвестно куда».

– Тебе легко кричать, – свистяще зашипел пожилой охотник. – У тебя, кроме одних штанов с заплаткой, другого ничего нет. А у нас семьи, скот, имущество. Его мы что, на своем горбу потащим?..

В силу естественных природных условий лесовики не использовали повозок, у большинства не имелось лошадей, а на своих плечах далеко весь свой скраб не утащишь...

– Я помогу, дам всем, кто нуждается, повозки и выносливых волов и коней, – спокойно заверил, поднявшись, Хорилартай.

– Надо подумать... – обещание помочь меняло все дело.

Неожиданно появилась возможность убраться подальше от туматов. И почему же сполна не воспользоваться ею... Может, там, на новых землях, жизнь их станет лучше...

– Ваше право думать, – Хорилартай невозмутимо пожал плечами, словно говоря, что уговаривать он никого не собирается. – Только не дожидитесь, пока туматы все у вас не отберут и не выгонят всех прочь. Сила сейчас на их стороне.

– Где ты возьмешь сразу столько лошадей и повозок? – с большим интересом поинтересовался пожилой охотник, у которого на шее сидели не одна, а целых три семьи.

– Купим у степняков, на все про все уйдет недели две-три.

– Времени хватит, чтобы подготовиться. А пока мы будем начеку.

Проявляя для вида полную беспечность, сородичи лесного охотника ввели туматов в заблуждение, и для тех стало полным откровением, особенно для Шунтая, когда Хорилартай на глазах у соплеменников, намотав на правую руку жиденькую косу Шунчэ, привел упирающуюся женщину в шатер ее отца.

– Забирай свою дочь, – охотник подтолкнул Шунчэ в спину, – она мне больше не жена.

– Ты пожалеешь, – наливаясь кровью, зловеще прошипел Шунтай. – Если ты не заберешь свои слова обратно, ты не выйдешь из моего дома живым. Выбирай.

Злорадно усмехаясь, вождь туматов хлопнул в ладоши. Полог вмиг приоткрылся, и в шатер нырнули два воина с копьями в руках.

Но не успели они сделать и одного шага по направлению к лесному охотнику, как свистяще пропела и, пробив тонкую стенку, в шатер влетела, воткнувшись в кол, и зазвенела стрела. Застыв от изумления, Шунтай оторопело заморгал. Он думал, что напугает лесного охотника, но на лице у того ни единый мускул не дрогнул. Напротив, ему самому стало не по себе от неожиданно влетевшей вестницы смерти.

– Что это? Кто посмел?! – взревел он, очнувшись.

– Если со мной что-то случится, и я сейчас не выйду отсюда живым, то ты скоро станешь похож на прилегшего отдохнуть дикобраза. Выйди на улицу и посмотри. Твой шатер окружен моими людьми...

Оттолкнув в сторону стражников, не посмевших преградить ему дорогу, Хорилартай спокойно вышел из шатра и под прикрытием сомкнувшихся за ним охотников с боевыми луками в руках удалился под злобными взглядами смотревших ему вслед Шунтая и его дочери.

– Догнать, – тихо обронил вождь, – и всех перебить. Они подняли руку на главу племени, а за это полагается смерть...

Они отберут все имущество, до того принадлежавшее смутьянам из рода хори. Все вышло, как нельзя лучше. Лесной охотник сам себе на беду спровоцировал ссору, которая может закончиться только одним – его смертью. Он, Шунтай, сделает гордичку Суару прислужницей своей дочери, чего сама Шунчэ упорно добивалась. Вот и пришло время кое-кому заплатить по всем причиненным обидам, не важно, заслуженно или нет. Главное, что ему удастся отомстить обидчику...

Ликующий полет его буйно злобствующих мыслей неожиданно прервало, как гром среди ясного неба, поразившее его сообщение:

– Лагерь рода хори пуст. Они сняли свои шатры. Остались только те, кто предан тебе. Но они клянутся, что ничего не знали. Мы нашли их всех крепко связанными.

Взбешенный вождь чуть не задохнулся от душившей его ярости.

– Пустить погоню! – захрипел он. – Они не могли далеко уйти...

По подсчетам вождя, у людей его рода лошадей имелось намного больше. Хори занимались больше охотой, а его сородичи не гнушались и выпасом скота, кроме ковыряния в земле.

Посланная за беглецами лихая погоня безошибочно вышла на след, оставляемый десятками лошадей и немалым количеством повозок, что изрядно удивило преследователей, никак не ожидавших такого от своих бывших соплеменников.

– У Хорилартая много кибиток, – шепнул воин на ухо соседу.

– Тем хуже для них и лучше для нас. Я даже не думал, что добыча столь велика, – довольно хохотнул племянник вождя, возглавивший погоню. – Этот день мы надолго запомним...

Ему в голову даже не пришла мысль о том, что люди, так тщательно подготовившиеся к дальней дороге, вполне в состоянии дать достойный отпор тем, кто пожелает им помешать и попытается их остановить.

Впрочем, о чем подобном мог подумать тот, в чьи уши ежедневно вливались сладким елеем самодовольные слова хвалебного бахвальства о тянущемся из самой глубины веков превосходстве рода туматов над бестолковыми охотниками и землепашцами хори...

Заметив за собой пылящую по степи погоню, Хорилартай не проявил ни единого признака волнения. В том, что их попытаются догнать, силой вернуть или же попросту перебить, они догадывались заранее и хорошо подготовились. Его умница жена надоумила и рассказала про весьма нехитрый прием, который с большим успехом можно было использовать против превосходящего по силам врага.

Об этом сама Суара узнала из рассказов отца, который частенько хвалился своими многочисленными победами на поле брани.

Аланские витязи никого не боялись и вступали в бой с любым врагом, никогда не показывали ему свою спину. Разве только, чтобы его обмануть, а потом в пух и прах разгромить...

Вот и пришло время на деле применить эти знания...

– Повозки в круг, – весело скалясь от наливающегося возбуждения из-за предвкушения предстоящей схватки и возможности показать перед всеми свою удаль, скомандовал Хорилартай.

Кочевую кибитку придумали не они. Появилась она еще во времена великого народа Хунну. На ней кочевники совершали свои длительные походы через всю Великую Степь, пронзая пустыни от царства ханьцев до самого Байкала. В ней жили во время продолжительного пути. И она при необходимости могла превратиться в крепость...

Послушные воле своего вожака люди из рода хори по ходу движения заворачивали лошадей, распрягали их. Около двух десятков повозок образовали неровный круг, внутри которого укрылись дети и женщины.

Немало нашлось и таких, кто встал рядом со своими мужьями по примеру Суары. Она отважно натянула на себя кожаные доспехи и вооружилась легким луком. В ближнем бою, когда нападающих воинов и обороняющихся будут разделять десяток-другой шагов, и ее стрела найдет для себя подходящую цель. А стрелять она умела еще в детстве, пускала стрелы в тыквы не хуже мальчишек.

Поздно осознал злосчастный предводитель погони, весь упоенный чувством полного превосходства над беглецами, свою непростительную промашку. Приняв подготовившихся к бою хори за мирно разбитый лагерь ничего не подозревающих скитальцев, он послал своих людей в атаку, надеясь застать беглецов врасплох и с ходу захватить их.

С запоздалым сожалением и раскаянием вспомнилось ему о том, что он напрочь забыл в угаре кипящего через край самодовольства о том, что Хорилартай и его люди происходят из тех мергенов-охотников, что выстрелом из лука бьют белку в глаз. Попасть из своего верного оружия в человека особого труда для них не составит.

В чем он, к их великому несчастью, вскоре воочию и убедился, когда многие из преследователей своими широкими грудями наткнулись на больно жалящие металлические наконечники, в большом количестве изготовленные местным кузнецом-умельцем, нехстати приходящимся лесному охотнику дальним родственником.

Вставив стрелу и натянув тетиву, Хорилартай немного выждал, дав возможность бывшему родичу по первой жене сполна испытать весь ужас случившегося с ними, и затем метко выстрелил, прервав невыносимые нравственные страдания его, если таковые были свойственны тому, кого вождь племени послал на расправу с бунтарями.

– Бей! Круши! – наиболее удачливые из преследователей сумели проскочить расстояние, отделявшее их от повозок, и теперь пытались проникнуть внутрь круга.

Но их встретили в упор направленные на них острые копыта, которые безжалостно вспарывали брюха лошадей, встававших на дыбы, в ярости от режущей боли скидывавших с себя седоков, топтавших их копытами.

– Руби! – на всех туматов, проникших за повозки, обрушился шквал ударов, наносимых со всех сторон руками подростков и женщин.

Ожесточенная схватка длилась недолго. Вскоре все стихло.

Слышались стоны раненых, да громко всхрипывали агонизирующие лошади. Потерь среди хори насчиталось немного. Погиб восьмилетний мальчик, вылезший из своего укрытия полюбопытствовать. Возле него в неудержимом плаче билась безутешная мать, горько оплакивающая свое неразумное дитя. Несколько воинов были задеты вражескими стрелами.

Но их ранения оказались не очень опасны. Со всей осторожностью наконечники извлекли. На все пораженные места искусно наложили повязки. К счастью, шаман племени на деле оказался не только мудрым и дальновидным предсказателем, но и неплохим лекарем...

– Проклятье! – Шунтай взвыл от бессильной злобы

Узнав о гибели большей части лучшего отряда, волчком закрутился он по шатру, вырывая из головы клочки волос, нагибаясь к очагу и посыпая макушку пеплом. Он понял, что лесной охотник ускользнул.

И вот достать того уже невозможно. Соплеменники будут смеяться над ним. Ни для кого не секрет, из-за чего Мерген вернул его дочь.

Давно многие сородичи втихомолку, а в последние годы и открыто подсмеивались над Шунчэ. С самого рождения девка оказалась жадна и отличалась неумным аппетитом. Мало того, люди ненавидели его дочь за то, что она над всеми ехидно надсмехалась, изливала по каждому маломальскому поводу ядовитую желчь, отравляя их души.

Но еще больше ее боялись. Многим казалось, что она ненавидела все человечество, а не только своего бедного мужа.

– Дура! Дура! – окончательно созрев для вспышки, вождь прекратил терзать свои всколоченные волосы и с силой ухватился правой рукой за женскую косу, ткнул дочь лицом в кошму, настеленную на пол. – Из-за тебя я потерял половину самых работающих мужчин. Кто теперь будет кормить нас, принося с охоты добытую ими дичь? Кто вернет мне моих верных воинов? Кто теперь защитит нас от набега врагов? Все из-за тебя! Послушался я, поверил тебе. Люди станут смеяться надо мной, человеком, послушавшим глупую женщину. Даже подпаски и то умнее тебя. А всем известно, что пастухи столь же тупы, как и животные, которых они выгоняют на пастбище. Пошла прочь! – разразившись длинной тирадой, Шунтай выпустил из рук жидковатую косу Шунчэ, и женщина на четвереньках поспешила уползти в темный закуток.

Забилась баба в углу и протяжно завывала во весь голос, размазывая по грязному лицу потоки злобных слез. Ее маленькие глазки испуганно взирали на разъяренного отца. Таким его она еще не видела. Видно, совсем плохи ее дела, если родной отец и тот озлился на нее...

– Запрягай! – чуток отдохнув после жаркой схватки, Хорилартай дал команду готовиться к продолжению движения.

Восстановившие силы и пришедшие в себя, унявшие поднявшееся возбуждение от вида горячей крови, мужчины с веселыми улыбками на просветлевших и набравшихся уверенности

в себе лицах запрягали в неповоротливые и громоздкие кибитки волов и лошадей. Они громкими криками понукали скот, подбодряя и помогая при развороте.

– Поспешим! – потрясенные, сильно напуганные скоротечным боем, женщины всемерно помогали им, загружая выброшенные наземь вещи.

– Кидай и бросай! – суесящиеся под ногами ребятишки мешали и вносили в общее дело посильную лепту.

– Помогай! – отцы семейств смотрели сквозь пальцы и не мешали неразумным чадам приобщаться к вековому занятию кочевников – постоянному скитанию по Великой степи в поисках лучшей доли.

Хорошо там, где их нет. Чужой карман всегда шире. Чужие монеты всегда на вес больше, пока не окажутся в своей руке.

И тогда все меняется. Тускнеет блеск монеты, карман оказывается не столь просторным, как еще казался издавна, к тому же, дырявым. Да и жизнь на новом месте выходит ничуть не лучше, чем на прежнем.

Но все оно познается не сразу, со временем. А пока они движутся, вместе с ними уныло бредет призрачная надежда на лучшее...

Двигаясь на полдень, они уходили все дальше и дальше от своих родных мест. Никто точно не знал, что ждет их впереди, но и назад возвращаться никто из них не хотел. Молодой месяц, каждую ночь появляющийся на темном небосклоне, превратился в желтоватый диск, растаял, пропал и снова зародился. А они все двигались и двигались...

Очередная остановка застала их возле берега неизвестной им реки. Вдалеке поднимались клубы густой пыли, достигая самого неба.

Возможно, то возвращались тучные стада. Может, то пылил в степи большой отряд кочевников. Тревога, не высказанная вслух, но уже ясно ощутимая, поселилась в людских сердцах...

– Угомонитесь! Спите! – шикнула Суара.

Уложив детей, бросив любящий взгляд на похрапывающего во сне мужа, она откинула полог кибитки и соскользнула вниз.

Неподалеку маячила сторбленная фигурка молчаливого часового, зорко стерегущего покой сильно уставших за длинный дневной переход сородичей. Усталость накапливалась исподволь, день ото дня. Исчезли с лиц веселые улыбки, их место заняла безразличная угрюмость.

Дети перестали смеяться, все больше ныли и тихо канючили, сами не зная чего. Наверное, им всем сейчас хотелось бы снова побегать по свободному приволью дышащих чистым воздухом урманов, спрятаться в тени деревьев от нещадно палящего целыми днями солнца.

– Куда мы бредем... – женщина тяжело вздохнула.

Измельченная веками желтовато-сероватая пыль пустыни все еще витала, неподвижно стояла, не опускаясь, в подрагивающем воздухе. Сквозь нее, словно мираж, едва виднелись неясные, будто плывущие вдоль уходящего вдаль горизонта очертания гор. Оглянувшись назад, молодая женщина увидела взлетающее ввысь пламя костра.

В быстро опускающихся сумерках на одном краю их лагеря, а вскоре и на другом то появлялись, то исчезали дымные факелы. С каждым ее удаляющимся от своей кибитки шагом голоса людей становились все приглушенней и звучали из сгущающейся за нею пустоты.

– Благодать! – мягко ступая, Суара шла по истолченной в невесомую пыль земле, еще заботливо хранящей в себе остатки дневной жары, и ей стало казаться, что она ступает по мягкому бархату.

Переведя взгляд вперед, она смотрела на быстро темнеющее небо, потом опустила глаза на шумевшую неподалеку желто-серую реку, что обрамила берега серо-зеленоватыми зарослями чахлах кустарников.

Почему-то, и это сильно удивило женщину, небо над рекою горело ярким пламенем. К тому же, оно никак не освещало их землю.

И весь горизонт, охватывая степь огромным полукругом, диковинно светился и пульсировал неестественно ярким кроваво-красным светом.

Острые шапки невысоких черных холмов, подобно кривым острым клыкам хищного диковинного зверя, делили его на неровные части.

Над всем этим нервно пульсирующим, словно загнанное огромное сердце, зловеще кровавым светом, удаляясь ввысь, растекаясь по всему горизонту, протянулись ленты неяркого огня.

Может, их раздували порывы поднимающегося к ночи сильного ветра, но их неровное дыхание на земле пока еще не ощущалось.

Над чередующимися лентами огня с трудом различались полосы зеленого и золотого цвета, красного и ослепительно синего оттенков, поднимающиеся к самому зениту, упирающиеся в него, окрашенного в цвета гиацинта. Внизу под всем этим поразительным великолепием растилась безмолвная и темная земля. Она лежала в невообразимом хаосе, потерянная для всякого понимания, пустынная для добра, с крохотными красными точками далеких костров, тщетно пытавшимися разогнать вселенскую тьму.

– Знамение! – из потаенной глубины женской души поднималось, созревая и накапливаясь, смутное предчувствие, что все это неспроста.

Свыше позвали ее и вывели из духоты кибитки в сгущающуюся темноту ночи. Да, это было знамение. Что-то должно было случиться, непременно случиться. Но что именно, что, этого она не могла понять, а оттого беспокойство только усиливалось...

– Ох! – зябко передернув плечами, даже не столько от опускающейся прохлады, сколько от гнетущего чувства полной неизвестности того, что их ожидает впереди, Суара посмотрела в ту сторону, откуда взойдет солнце и известит их всех о начале нового дня.

По далекому и до бесконечности холодному и безразличному к их судьбам небу неслись ураганы ветра, подобно той дикой и непобедимой орде коренных жителей Великой степи – кочевников.

Не поверив себе, женщина даже прислушалась. Ей показалось, что воздух наполнился звуками их сильных голосов. И окружившая ее ночь в пустыне Гоби, темная и пугающая, от этого навязчивого ощущения многоголосого присутствия истинных хозяев этих бескрайних песков становилась еще загадочнее и страшнее. И еще ей стало понятно, что вся окружающая их земля теперь принадлежит только ночи и ветру.

А она, стоя посреди всего этого безмолвия, могла лишь видеть одну только часть этого огромного неба в его ужасающем и потрясающем воображение великолепии и почувствовать свое вечное одиночество...

– Ух! – энергично встряхнув головой, Суара постаралась побыстрее избавиться от подступивших мрачных мыслей об одиночестве.

Нет, она же не одинока. Растворившись в бесконечной темноте, она совершенно забыла о своем любимом муже, о детях. Гуляющий высоко в небесах ветер спустился, задул, приглаживая высохшие стебельки редкой травы, унося припрятанное до поры и до времени тепло земли.

– Бр-р-р! – вдруг стало очень холодно, и женщина вся задрожала, на этот раз и в самом деле явственно ощутив, как холод проник под небрежно распахнутую накидку, сшитую из мягких козих шкур.

Поплотнее закутавшись, она ступила дальше. Глаза ее возбужденно сверкали в темноте, отражая теряющийся свет с той стороны неба, откуда зашло солнце. Устав за целый день от изнуряющей духоты и знойного солнца, Суара с острым наслаждением вдыхала в себя быстро холодеющий воздух раздавшейся до бесконечности пустыни.

С каждым шагом на небе появлялось все больше звезд. Они были яркими, но свет их в отличие от солнечного был холодным, мрачным и столь же безразлично ко всему бесконечным...

Показавшиеся Суаре в ночной темноте степи, мелькающие вдалеке, огоньки оказались вовсе не призрачным видением.

Скорее всего, и услышанные разноголосые звуки дикой орды были принесены с собой порывами ветра, подхватившего их и перенесшего из-за дальних бугров, куда небольшое племя беглецов добралось до того времени, когда солнце прочно взобралось на зенит.

– К нам гости...

Навстречу их небольшому каравану выскочило с добрый десяток воинов, хорошо вооруженных и на добрых конях.

– Вы кто? – осадив лошадь, сурово спросил десятник.

– Мы из племени хори-туматов, из рода хорилас, – не задумываясь, ответил Хорилартай. – Бредем туда, куда смотрит морда моего мерина.

Незамысловатый ответ скитальца пришелся по нраву степняку, хотя он в первый раз услышал о существовании их рода-племени, а потому свой следующий вопрос он задал чуть мягче:

– Что вас привело на наши земли?

– Тесно нам стало жить, – охотник криво усмехнулся, – со своей прежней родней. Решили найти себе покладистых соседей.

– Много вас? – десятник провел вдоль повозок беглым взглядом.

Может, вслед за этими людьми, посланными коварными вождями недружественных им племен, последуют тысячи, хорошо обученные нападать на незащищенные айлы под покровом темноты с помощью тех, кому хозяева столь нерасчетливо оказали свое гостеприимство.

Лесной охотник уловил в голосе степняка прикрытие беспокойства, догадался о его настоящей причине, тепло и добродушно улыбнулся, всячески выказывая свое миролюбие, и широко повел правой рукой вдоль своего отряда, медленно тянувшегося по извилистой дороге:

– Мы все перед тобой. Мы шли почти два месяца. Ты можешь убедиться, глянув на тощие бока наших лошадок, на изможденные лица наших жен, на впалые щеки голодных детишек.

Видно, откровенный ответ снова пришелся по душе десятнику, и он доброжелательно улыбнулся:

– Пока вы все наши гости. Мы покажем вам дорогу к нашему айлу.

Проезжая мимо беспокойно выглядывающей жены, лесной охотник тихо шепнул:

– Должно быть, Суара, сегодня мы встретили в бескрайней степи один из могущественных родов...

Заранее про то узнавший от шамана племени, Хорилартай, конечно, знал, что говорил. Для того чтобы пасти скот и обрести достаточную защиту против внезапного нападения других родов и племен, несколько родов обычно объединялись во время ежегодной сезонной миграции.

Временный союз племен устраивал лагерь из простеньких палаток и больших юрт. Их частенько насчитывалось до одной тысячи жилищ. Они ставились по огромному кругу, называемому куренем.

Этакий порядок перекочевок придумали не они первые. Он пришел к ним из глубины далеких Веков.

А наиболее богатые и сильные роды предпочитали пасти свои стада сами. Обособленный от других лагерь их родовой группы, состоявший из относительно малого количества палаток и юрт, именовался айлом.

Иногда некоторые богатые роды сопровождались в пути вассальным или рабским родом (унаган богол). В этом случае рабство было вызвано поражением в ожесточенной межплеменной войне. Во главе могучих родов стояли багатуры (храбрые) или сечены (мудрые). Возглавлял эту группу именитых рыцарей пустыни нойон (господин).

На самой низкой ступени несколько запутанных взаимоотношений находились простые кочевники, свободные в своем выборе господина.

Их называли харачу, что дословно означало «черные». Ниже них стояли только бесправные рабы...

На вершине Бурхан-Халдуна, с самой ее высоты, за тем, как вниз по течению реки Тенгелик подкочевывает группа людей, давно наблюдал Дува-Сохор со своим младшим братом Добуном.

Один свой глаз старший сын вождя племени Тороголчжина потерял в пьяной драке, однако своим единственным оком видел куда дальше, чем другие соплеменники двумя своими глазами.

От постоянной привычки смотреть, искоса и низко наклоняя голову, многим казалось, что этот его оставшийся глаз был расположен посреди лба. Вот и сейчас он, как мифический циклоп, вперился своим глазом в бредущий по степи караван и что-то в нем углядел.

– Хороша молодница в крытой кибитке среди этих подкочевывающих людей! – плотоядно облизнувшись, осклабился Дува-Сохор, подмигивая подростку со странным намеком.

Младший брат поежился, всмотрелся, ничего особо не высмотрел и пренебрежительно отмахнулся рукой:

– У тебя одни смазливые бабенки на уме!

Скосив единственный глаз в сторону Добуна, насмешник покачал головой, словно увидел перед собой неразумное дитя:

– Дурак, если она не просватана еще, сосватаем ее за тебя...

Немало времени прошло, пока небольшой караван не достиг склона горы Бурхан-Халдун на левом берегу реки Онон. В это самое время харачу-пастухи гнали с верховых пастбищ скот. Они то возникали, то на время пропадали среди роящихся клубов серой и золотистой пыли.

– Хоп! Хоп! – расплавленный до дрожащего марева воздух внезапно наполнился хрипыми и резкими, как удары кнута, выкриками.

Подгоняемые ими овцы и коровы протяжно блеяли, низко мычали грустными от несносной жары голосами. Аил располагался неподалеку от желто-серой реки, и именно к ней направляли стада загорелые до черноты пастухи. Они уже видели, как близок к завершению еще один невыносимо долгий день, один из многих в бесконечной череде, из которой и состояла вся их нелегкая, без всяких просветов на какое-то улучшение жизнь. Им от рождения было суждено влачить это жалкое существование, видно, данное их предкам в наказание свыше за какой-то тяжкий грех, совершенный неведомо кем и когда...

– О, Аллах! – Суара покачала головой. – Как только люди живут и не задыхаются в чертовой пыли?

Подумала она о том, как приживутся тут они, привыкшие к чистому лесному воздуху. Или привыкнут, как эти, родившиеся здесь и ничего другого не видевшие, а потому ничего другого для себя не желавшие...

Полураздетые и вовсе голые ребятишки с кожей темно-коричневого цвета играли в пыли между серыми и черными куполообразными юртами, среди куч зловонных отбросов, скопившихся за жилищами.

Немногие из них бросили свои незатейливые забавы и отправились поглядеть на проходившие мимо аила стада, пронесившиеся мимо в густых облаках причудливо клубящейся пыли.

Окутанные серо-золотистым дрожащим маревом, стада исчезали, уступая место следующим за ними. И только изредка при большом желании можно было увидеть упрямо нагнутые к земле тяжелые головы волов, длинные рога и упрямые головы бородатых коз, жирные туши тупых овец, снова рога, хвосты, огромные, идущие, словно отдельно от туловища, огромные волосатые ноги.

Потом все опять закрывали облака поднятой их копытами пыли, сверкающей в последних лучах садящегося красного солнца.

– Хоп! – выглянувшие на поднявшийся невообразимый шум и гвалт женщины столпились у входов в жилища, по две-три, а то и больше.

Кое-кто, прихватив с собой, держал младенцев, продолжая кормить их, без всякой застенчивости открывая смуглые груди, суя в детский ротик темные соски, брызжащие белым живительным соком.

Насытившись, дети, сопя, ручонками отталкивали соски, упорно отворачивались от материнских грудей, из которых продолжало щедро капать густое молоко.

– Хоп! Хоп! – визгливыми голосами женщины поругивали своих старших, ставших непослушными ребятишек, внося свою посильную лепту в общий ор, ставший совсем невыносимым.

Некоторые женщины суетливо кинулись выносить из юрт сшитые из кож и медные ведра. В их обязанность входила дойка по возвращению животных с реки.

– Хоп! – только успела улечься пыль за прошедшими стадами, как появились пастухи с табунами диких, мечущихся из стороны в сторону, взмывающих на дыбы жеребцов и спокойно взирающих на игры самцов кобыл с молодыми жеребятами.

– Хоп! – зеваки шарахнулись к околице аила.

Как-то еще можно было перенести удар копытом стропливой козы, но страшно казалось попасть под копыта необъезженных коней.

В клубах золотистой пыли диким блеском сверкали их враждебно-злые, то и дело косящие по сторонам глаза. Шелковистые крупы покрылись присохшими крупными хлопьями грязной от пыли пены.

– Хоп! – харачу сидели на низкорослых с крутыми боками лошадаках, грязно ругались и орали, озлобившись, то один, то другой охаживали бока лошадей кнутами, длинными шестами-укрюками.

Человеку, никогда подобного не видевшему, могло показаться, что погонщики своей свирепостью и дикостью превосходили и жеребцов, посреди их широких скуластых лиц не менее ярко сверкали узкие глаза.

Потемневшие лица пастухов в крупных каплях пота. Обветренные черные губы потрескались от знойной жары и пыли.

Визгливые вопли и громкий топот заполнили всю округу.

Невольно Суара с брезгливым отвращением поморщилась: и до того пыльный воздух наполнился невыносимой вонью, проник в легкие.

Женщина отвернулась, стала спиной. Дышать, конечно, стало чуть легче, но ненадолго. Нет, она никогда не сможет к этому привыкнуть!

Внимание Суары приковал мальчонка лет пяти возле входа в сильно потрепанную, посевшую от времени и дождей палатку.

Пристально направленные в невидимую точку и застывшие глаза. Низко посаженные глаза. Узкий лоб. Выдающийся вперед подбородок. Вытянутые вперед скулы. Выставленные неестественно длинные руки при очевидно непомерно коротковатых ногах. Оттопыренные уши. Они делали сходство человеческого дитя с мартышкой почти неотразимым.

– О, Аллах! – тихо прошептала женщина.

Ей показалось, что ребенку не хватает хвоста для полного сходства с той вертлявой обезьянкой, которую она видела в детстве. Еще немного воображения, и вот мальчонка, превратившись в дикое животное, чуть нагнется и побежит на четырех лапах, задрав кверху длинный хвост...

Со всех сторон стали съезжаться охотники на шустрых быстроногих мохнатых лошадаках, везли с собой в притороченных сумах добычу: зайцев, антилоп, ежей, лисиц, куниц, мелких зверьков и всякую дичь.

Самые удачливые, красуясь, оглашали поселение торжествующими криками, сжимая колени и круто натягивая поводья, заставляли коней подниматься на дыбы, сталкиваться с другими конями.

Они громко хохотали, словно сумасшедшие, размахивали в воздухе кривыми мечами, еще сильнее сдавливали кривоватыми ногами бока приземистых лошадок, скакали по кругу.

– Смотри, Хорилартай, – женщина толкнула своего мужа в бок. – Ты и здесь, дорогой, не останешься без своего любимого занятия – охоты...

Основных занятий у степняков имелось два: скотоводство и охота. Но главным из них, на многие века определившим самую основу их образа жизни, стало круглогодичное кочевое скотоводство.

Им приходилось постоянно переходить с одного места на другое в поисках хороших пастбищ для скота.

После перекочевки степняки устанавливали свои жилища в наиболее удобном месте на неделю-две, а иногда и на более долгий срок – в зависимости от возможностей пастбищ и величины стад.

От этого же зависела и длина перекочевков: чем больше было стадо, тем длиннее был кочевой переход. Сена на долгую зиму в восточной части Великой степи не запасали. Сами перекочевки устраивались так, чтобы зимой оказаться в бесснежных равнинных степях,

Летом кочевали по отрогам гор и речным долинам, где трава росла сочнее и богаче, зимой же там было больше снега, что скоту затрудняло добывание пищи. В весенне-летний период такие перекочевки могли варьироваться и сообразно преимущественному составу стад: горные пастбища больше подходили для коней, приречные – для овец...

– Не нравятся мне эти хвастунишки, – хмыкнула женщина. – Задрали сами зайца, а шуму на целого слона...

Видно, не только одной Суаре не нравились подобные горделивые и хвастливые игрища напыщенных самцов.

Когда, покрасовавшись собой вдоволь, мужчины входили в юрты, оттуда слышались совсем не ласковые, пронзительные голоса и едкие насмешки жен, без всякой почтительности отчитывающих своих чуть присмиривших мужей. Между рядами юрт уже разгорались костры.

Кочевники ходили по айлу с дымящимися факелами в руках, потому что степное небо над головами очень быстро темнело, приобретало пурпурный оттенок. Надвигалась ночь...

Из юрты, что им любезно предоставили гостеприимные хозяева, выглянула служанка и предложила серебряные чаши с кумысом.

Суара задумчиво водила пальцем по затейливому рисунку. Даже тут уже ощущалась близость царства Хань. Чаши куплены, может, попросту и украдены у какого-нибудь бродячего китайского торговца. Или они были на что-то когда-то выменяны или захвачены в бою.

– А что, дорогой муженек, – улыбнулась она, подмигивая чем-то сильно озабоченному Хорилартаю, – юрта-то ничего, жить можно...

Вообще-то, к этому времени она уже знала о том, что, на самом деле, кочевники юртом называли все земли, по которым кочует их род или одна отдельная семья. И границы этого юрта строго определялись и могли быть большими или меньшими. Само жилище же монголов, их

кочевнический шатер именовался «гер». «Юртой» его стали называть путешественники, сразу не разобравшиеся в этих тонкостях. Но она уже привыкла называть юртой само жилище...

– Ничего... – мужчина задумчиво осмотрелся.

– Мне наша юрта больше нравилась, – Суара печально вздохнула, дотронувшись пальчиком до задумчивых губ.

Куполообразную юрту изготовили из толстого серого войлока с едва заметными черными прожилками, растянутого на крепких жердях.

По размеру она казалась чуть больше той юрты, что поставил для нее Хорилартай. Вот только их прежнее жилище они покрыли сверху белоснежным войлоком, что составляло предмет ее особой гордости.

В остальном все было устроено схоже. Через небольшое круглое отверстие в крыше дым выходил наружу длинными серыми перьями.

Под отверстием стояла мерцающая тусклым светом наполовину уже потухших угольков грубо изготовленная металлическая жаровня.

Она и служила единственным источником света. Правда, в одном из углов, хорошенько приглядевшись, Суара обнаружила светильник.

На стенах развесили шелковые покрывала. Местами свисали куски белого войлока, искусно расписанные раскрашенными фигурками.

Их какие-то неестественные позы сильно контрастировали с хорошо выписанными изящными чертами лиц человечков и мордами животных.

Рисовал кто-то из китайцев. На фоне его искусства дикие кочевники, грубые и неотесанные, казались еще сильнее и могущественнее.

Толстые ковры привезли откуда-то из Бухары. Их выложили на грубый серый войлок, выстеленный прямо на земляной пол.

Мерцающий огонек от жаровни, отбрасывая по стенам причудливые тени, освещал ковры, показывал на большой сундук из тика, добытого, скорее всего, во время грабительского налета на китайский караван.

Шагнув ближе, Суара провела тонким пальчиком по украшавшей сундук искусной резьбе. Она изображала густые заросли высокого бамбука. В укромных местах в нем прятались гроты. Высоко выгнутые мостики парили в воздухе. Длинноногие цапли и зеленые лягушки. Буддийские монахи в своей простой и суровой одежде с длинными рукавами и в высоких шляпах. Стайка юных дев и диковинные цветы.

Скривив губы, женщина подумала о том, что этому сундуку явно не место в юрте диких кочевников и смотрится он в этом жилище, словно дорогое седло на запаршивевшей корове.

– Что скажешь, хатын, останемся мы тут или двинемся дальше? – Хорилартай поймал направленный на него и словно чего-то ждущий взгляд жены, которая и силилась, но все никак не могла что-то очень для себя важное решить, раз и навсегда.

– А ты что, думаешь, мой дорогой муженек, – женщина хитровато прищурилась, – что дальше будет лучше? Степь-то она везде одинакова, чем дальше на полдень, тем только жарче и невыносимо печет...

– Не знаю я, – лесной охотник неопределенно пожал плечами.

Место ему понравилось. Лесов-урманов тут огромных, правда, нет, но и дальше в пустыне их тоже не будет. Зато есть речка, и смерть от жажды им не страшна. Гора имеется с густеющим бором, станет хоть чем-то напоминать родные места. Он и раньше слышал про звериные уголья возле Бурхан-Халдун и о прекрасных землях в этих местах.

Кочевья здесь близки к Шинчи-баян-урианхаю, на котором рядом поставлены божества, владетели Бурхан-Халдуна...

В то время как муж раздумывал об охоте, жену его волновал вопрос несколько другой.

– От женщин этого племени, – Суара, вспомнив неприглядный вид бывшей жены Хорилартая, усмехнулась, – воняет меньше, чем от твоей Шунчэ. Останемся...

– Если нас примут... – мужчина едва шевельнул губами.

Наутро Хорилартая привели к вождю. Шагнул он за порог, невольно оглянувшись. Его внимание привлекла горка выложенной в углу посуды.

Рядом с двумя искусно изготовленными серебряными шкатулками вперемешку выставили и тончайшие китайские чаши с затейливыми рисунками на боках, и грубо обожженные предметы из глины.

На сундуке лежали кинжалы с покрытыми узорами рукоятями. С другой стороны на стене висели три круглых кожаных щита. Один из них был покрыт потускневшей и местами отбившейся позолотой.

Отсвечивали лакированными поверхностями бамбуковые колчаны, прямые и кривые мечи. Тускло поблескивающие лезвия жадно ловили красноватый свет, исходящий от устроенной в углу жаровни, вспоминая кровавые всполохи ожесточенных схваток.

Небрежно кинутый пучок стрел точно указывал на принадлежность к высокому роду. О том говорили и два широких серебряных пояса, покрытых тончайшей, выполненной из того же серебра тонкой сеткой.

Немало потрудились над ними искусные китайские мастера, украсив вдобавок крупными кусками бирюзы.

Довольный впечатлением, произведенным на Хорилартая, хозяин юрты, напустив на свое широкое скуластое лицо с узкими щелочками пронзительно пытливых глаз радушную улыбку, произнес:

– Ты можешь со своими людьми три дня жить у нас, как гости. Вас накормят и напоят...

Старший сын накануне сообщил ему о девушке-подростке. Его люди выяснили насчет прибывшей в их земли племенной группы.

Суара Баргуджин-гоа, дочь Бархудая, владельца Кол-баргуджин-догумского была похищена. Ее спас Хорилартай-Мерген, нойон Хори-Туматский. Он взял ее в жены. Увиденная Дува-Сохором прекрасная молодница и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергена и Суары в Хори-Туматский земле, в местности Арих-усун.

Известно стало хану и про то, что на прежней родине скитальцев, в Хори-Туматский земле, между двумя племенными группами пошли взаимные пререкания и ссоры из-за нехватки звероловных угодий.

Из-за этого неустройства Хорилартай-Мерген решил выделиться в отдельный род-обок под названием хорилас. Прослышав о знаменитых звероловствах Бурхан-Халдуна и прекрасных землях, они теперь, кочуя, и продвигались к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владельцы Бурхан-Халдуна.

Выдерживая паузу, Тороголчжин остановился, направил на своего кунака хитрый взгляд, вынуждая того самого первым начать разговор, ради которого его пригласили.

– Храбрый и славный хан! – лесной охотник решил не скупиться на похвальные слова. – Ты правишь могучим родом. Позволь нам, бедным скитальцам, стать частью твоего славного племени.

Горделиво выпятив грудь, хан иронично улыбнулся:

– У меня достаточно людей, чтобы иметь собственный аил. Может, ты не заметил, что вокруг него раскиданы курени нашего племени.

– Нас мало, и мы хотим стать частью большого. Все мои воины – прекрасные охотники. Они сами добудут себе пищу. Наши женщины...

На широком лице Тороголчжина расплылась улыбка. Посланные им соглядатаи успели пересчитать прибывший к ним народ и оценить его.

Женщины у лесных охотников, как на подбор, высоки и стройны. Под длинными рубашами угадывались сильные и прямые ноги, что само говорило о привычке больше ходить пешком, чем скакать на лошади.

При редкой для них ходьбе кривоватые ноги напоминали колеса. С самого своего рождения кочевники сжимают крутые лошадиные бока.

Сообщили, конечно, хану и о том, что у вождя лесных охотников красавица жена, со светлым лицом, огромными прекрасными глазами-озерами, широкими и глубокими.

– Откуда родом твоя жена? – поинтересовался Тороголчжин.

– Она выросла среди народа славных алан...

Хан понимающе прищурился. И дочь у лесного охотника уродилась вся в свою мать. Из нее выйдет неплохая жена для его подрастающего младшего сына, увальня и оболтуса.

– Мне сказали, что у вас есть девушки на выданье, – дипломатично произнес он, не раскрывая мысль до конца. – У нас выросли женихи...

С десяток его воинов приобретет хороших жен. Не придется им в поисках невест рыскать по всей степи. А обет родства скрепит дружбу.

Ему не хотелось думать о том, что род хорилас мал для того, чтобы искать в нем верного союзника. Но хорошие воины лишними никогда не бывают. Прогонишь чужих, смотришь, за ними и свои потянутся.

– Мы рады породниться с великим родом, станем частью народа...

Кивая головой, Тороголчжин, загибая пальцы, перечислял:

– Наш предок Бата-Чиган был потомком Борте-Чино и Гоа-Марал. Сына Бата-Чигана звали Тамача. Сыном Тамачи был Хоричар-Мерген. У Хоричара-Мергена был сын Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула – Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау – Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна – Сим-Сочи. Сын Сим-Сочи – Харчу. Сын Харчу – Борчжигай-Мерген – был женат на Монголчжин-Гоа. Это мой отец. У меня самого от Борохчин-Гоа было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун.

Глава V. Дух пустыни

Невысокий подросток, прознав о том, что его просватали, засеменил на кривоватых ножках к новому ряду юрт, что ставили для людей из племени лесных охотников, нашел свою нареченную.

Ему настолько не терпелось посмотреть на ту, что станет его женой, что Добун стащил из сундука припрятанную на самом дне сладость.

– Эй, ты, иди сюда! – поманил он, держа зажатый в руке леденец. – Смотри, что у меня есть!

Заинтригованная невиданным ранее лакомством, Алан-Гоа, которая ничем не отличалась от подружек, охочих до угощений вкусненьким, подошла к мальчишке.

– Чего тебе, малай? – спросила она, не отрывая своих глаз от куска растопленного на огне сахара.

– Говорят, – мальчишеские глаза доверительно раскрылись, стали чуть шире тонкой щелочки, – что у ваших женщин прямые ноги. А я не верю, – притворщик вздохнул. – Покажи, а я тебе дам леденец.

– При всех тебе показать? – девочка лукаво прищурилась.

Делиться запретным, по его понятиям, зрелищем с кем-то другим в планы любознательного не по годам подростка, любопытство которого изрядно подогрелось насмешками старшего брата, видно, не входило, и он кивком головы указал на тыльную сторону соседней с ними юрты.

– Пошли туда. Там никто не увидит.

– Хорошо, – девочка согласно кивнула головой, пряча бесовские искорки в скромно опущенных глазках. – Пошли туда...

Предвкушая невиданное зрелище, мальчишка, раскрыв широко рот, усиленно засопел, пуская слюнявые пузыри, когда Алан-Гоа, грациозно наклонившись вперед, ухватила пальчиками за подол легкой светло-голубой рубашки и медленно потянула его вверх, открывая узкие лодыжки, голени, белеющие округлые коленки, заставляя мальчишеское сердце замереть в бешеном восторге.

Готовый перехватить поднимающуюся материю руками и рывком совсем сдернуть с бестолково-глупой девчонки ее легкую одежку, воспользовавшись незавидным положением, рассмотреть ее, включая и упруго выпирающие бугорки, подросток чуть подался вперед.

Увлеченный разглядыванием ровных и прямых бедер, он пропустил сам момент удара, когда маленький, но довольно твердый девический кулачок со всей силой ткнулся ему в живот.

В одно мгновение дыхание сперло, в глазах потемнело. Выхватив из его ослабшей руки притягивающий своим еще неизведанным вкусом леденец, девочка отскочила в сторону и, показав при этом женишку обидный кончик розового язычка, отдалилась на безопасное удаление.

Прибежав домой, подросток, огорченный и возмущенный коварным поступком той, что должна стать его женой, во весь голос выпалил:

– Не надо мне жены. У нее кожа вся белая, как у мертвеца. Глаза большие, как у жабы. Начнут дразнить, что я женился на жабе. Жаба!

– Глупец, каменная твоя голова, – осуждающе качнул головой отец.

Таких красавиц на ханьских рынках за огромные деньги покупают. А его неразумному оболтусу досталась почти даром. Вернее, ему новая невестка обошлась сравнительно дешево.

С другой стороны, его покровительство ценится столь высоко, что плата его будущим сородичам за их дочь будет достаточно высока, что, без всякого сомнения, Хорилартай и его жена Суара сразу же оценили по достоинству и с радостью приняли его лестное предложение.

– Он же еще бала, – мать, жалея свое родное дитя, погладила сына-балбеса по головке.
– Другие в его годы, – Тороголчжин от досады сплюнул, – своих детей имеют. Ладно, за это время еще подрастет, ума чуток наберется...

Хан вздохнул. Небесные Боги! На кого он род свой оставит? Что от старшего сына нет толку, что младший совсем уж бестолков. За что Боги его наказали, наградив потомством, ни к чему негодным...

Как и было в тот день договорено, ровно через два года у подножия горы Бурхан-Халдун состоялась свадьба Добуна, младшего сына вождя племени, приютившего род хорилас у себя, с юной дочерью охотника Хорилартая и Суары, подросток и расцветшей Алан-Гоа.

За столь небольшой для мировой истории промежуток времени сын Тороголчжина и Борохчин-Гоа, как на то и надеялся его отец, сильно вытянулся в рост, большую часть времени проводя в обществе своего будущего тестя, перенимая от Хорилартая навыки и умения.

Вскоре и из него получился неплохой охотник, и он стал гордо именоваться Добун-Мергеном. Совсем по-другому стал Добун смотреть на свою невесту, сумел по достоинству оценить ее красоту.

Свадебный туй отшумел, и молодые остались одни. Юная жена, кокетливо прикрывая свое лицо тончайшим шелковым покрывалом, отворачивалась от настойчивых взглядов мужа, вознамерившегося по приобретенному им законному праву досконально и безотлагательно со всей тщательностью рассмотреть то, что стало его собственностью.

– Прожешь на мне дыру! – фыркнула Алан-Гоа, скрывая смущение.

– Помнишь, – перед глазами Добуна всплыла не самая удачная в его жизни попытка поговорить со своей будущей женой, – ты обещала мне и обманула. За тобой должок.

– Ха! – девушка от души рассмеялась. – Нашел, о чем вспоминать. Я уже давно и позабыла. Впрочем, я согласна тебе его вернуть...

Медленно поднимая реснички, она с удовлетворением отметила, как неистово разгорались возбужденным огнем юношеские глаза.

Быстро сообразила она, что как раз настал именно тот момент, когда можно и нужно выдвинуть условия, чтобы раз и навсегда расставить все в их отношениях на свои должностные места. Муж ей достался из простачков, и его несложно выйдет провести...

Дрожащие мужские руки протянулись к медленно обнажающемуся юному девичьему телу, пахнущему свежей травой и юностью, но Алан-Гоа неумовимым движением вывернулась из его объятий, чуть шагнув ножкой, отступила назад и грудным волнующим голосом выдохнула:

– Ты получишь все, если пообещаешь мне...

Момент выбрала она очень верно, и в положительном ответе мужа почти не сомневалась. Все мысли мужа устремились только в одну сторону, и он, как от назойливой мухи, немедленно с досадой на то, что на его пути что-то встало, поспешил отмахнуться от того, что мешало ему достичь желаемой цели. Ради достижения желаемой цели он готов был посулить что угодно.

– Обещаю, – он согласно закивал головой, даже не спрашивая того, что потребуют взамен. – Я все сделаю, моя Прекрасная Аланка...

Очень скоро Тороголчжин понял, что он не прогадал, женив своего сына на этой девушке. Старший брат Добун-Мергена, к величайшей скорби всех их, погиб в неожиданной стычке с неизвестным отрядом.

А сам Добун-Мерген, к величайшей жалости, уродился человеком не слишком умным для того, чтоб взять на себя бразды управления родом.

Мысли его текли неспешно, и за это время весь их род мог успешно разбежаться по всей их Великой степи, пока он не решит, что следует предпринять, случись что-то крайне важное.

– Наш сын, мать, большой глупец, – тихонько шепнул Тороголчжин своей жене, хватаясь рукой за сердце во время очередного приступа вызывающей удушье и лишаящей всех сил болезни. – Но Алан-Гоа, хвала Небесным Богам, у него большая умница. У нее достаточно такта и ума, чтобы ловко и твердо управлять из-за спины своего мужа.

– Ха, – хмыкнула старуха, – тот самый случай, когда хвост крутит и вертит собакой.

– Лучше иметь умный хвост, чем каменную башку, как у твоего сына, – осерчал хан. – Он весь пошел в тебя, глупую курицу. Только кудахтать не ко времени умеешь...

После кончины Тороголчжина все четверо сыновей Дува-Сохора, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергена и всячески понося его, отделились. Они покинули родной аил, откочевали со всеми своими людьми и скотом, образовали четвероплемя Дорбен-ирген.

У Добун-Мергена к тому времени росли два сына, рожденных Алан-Гоа, Бугунотай и Бельгунотай.

Некогда могущественный род распался, потерял свою былую силу. Чтобы прокормить семью, Добун-Мерген промышлял охотой.

Однажды он взобрался на возвышенность Тогоцах-ундур. В тот день ему особо не везло. С трудом выследил марала, даже подобрался к тому на выстрел из лука, но в это самое мгновение конь чего-то испугался, вздрогнул, поведя своим корпусом в сторону, и стрела полетела мимо.

Испуганный ее зловещим свистом олень насторожился, повернулся, его огромные черные глаза встретились с хищным взглядом человека.

Чуть выгнув шею, марал совершил длинный прыжок в сторону, уходя от смертельной опасности, и помчался вскачь.

Добун-Мерген понесся следом. Тонкие ветки больно хлестали по плечам и лицу, но он в азарте погони не обращал на них внимания.

И лишь чудом заметив неотвратимо приближающийся толстый сук, успел охотник нагнуться и свалиться набок. Пока ловил ускользавшую лошадь, оленя и след простыл. Злой и усталый двигался он по лесу.

Порыв ветра донес до горе-охотника запах жаркого, и он, особо не раздумывая, двинулся в ту сторону, откуда шли аппетитные волны от приготовляемой пищи. На небольшой поляне Добун-Мерген встретил бывшего соплеменника, друга по детским играм по имени Урянхаец, который готовил жаркое из верхних коротких ребер трехлетки-оленья.

– Шел мимо, заглянул на огонек... – выдохнул Добун.

Помимо воли у Добун-Мергена потекли слюни, стыдно ему стало за свою неудачливость, а дома его ждала жена с суровым укором в глазах. Поморщился он, но быстро стер с лица неприязненную зависть, широко улыбнулся и хлопнул бывшего товарища по плечу.

– Дружище, – придав своему голосу безразличное спокойствие, всем своим видом показывая, что он делает одолжение, избавляя сородича от излишней ноши, произнес Добун-Мерген, – дай и мне на жаркое! Тебе всю тушу с собой не унести... – застыли в ожидании раздувшиеся ноздри, затрепетав крылышками, доносилось учащенное дыхание.

Усмехнувшись, Урянхаец взял в руки нож.

– Охота вышла удачной, хвала Небесным Богам! – он воздел руки кверху за то, что ему послали молодого оленя. – Дам и тебе!

Полоснув острым лезвием, сноровисто орудуя, удачливый сородич разделал тушу, оставив себе шкуру и легочную часть, остальное мясо трехлетки-оленья отдал Добун-Мергену.

Набив сполна нечаянной добычей переметные сумы, муж Алан-Гоа навьючил их на лошадь, кинув что-то невнятное на прощание, уехал.

Глядя ему вслед, Урянхаец сплюнул. И этот неудачливый человек хотел быть их вождем. Если бы не его красавица жена, то остался бы он один, покинутый всеми своими сородичами, подход бы с голода...

Чувствуя, как к нему возвращается настроение, довольный Добун-Мерген затянул бесконечный степной мотив, состоявший из десятка-другого многократно на все лады повторяющихся одних и тех же самых слов, где его собственное имя встречалось в каждой строчке.

Славный охотник Добун-Мерген,
Оленя добыл Добун-Мерген.
Едет домой Добун-Мерген,
Накормит детей Добун-Мерген.
Удачлив охотник Добун-Мерген,
Дружит с удачей Добун-Мерген.
Везет оленя Добун-Мерген,
Славный охотник Добун-Мерген...

У подножия возвышенности лесок перешел в привычную степь с лениво перекаत्याющимися волнами серого, давно потерявшего густую зеленую окраску, высохшего под палящим солнцем ковыля.

На далеком горизонте зачернели приближающиеся точки, и вскоре Добун-Мерген различил в них ковыляющих навстречу ему бедняка и подростка мальчишку. Видно, что оба брели издалека.

– Кто вы такие? – осадив коня, охотник прищурился, пристально разглядывая рвань, надетую на путника.

– Я – Маалих, Баяудаец («богатея»), а живу как нищий. Удели мне из добытой тобой дичины...

Видя, как нахмурился всадник, мужчина добавил:

– А я отдам тебе вот этого паренька...

Подумав про себя, что совершит неплохой обмен, Добун-Мерген согласился. Он отделил половину оленьего стега и отдал его путнику.

Из широко распахнутых мальчишеских глаз одна за другой вдруг покатались две крупные жемчужины-слезы.

– Не поминай меня лихом, сынок, – бедняк, пряча свой безутешный взор, печально взмахнул рукой, круто развернулся и побрел прочь.

Долго бежал паренек за всадником, вконец совсем выбился из сил и свалился наземь. Сжалился над ним Добун-Мерген и посадил его за своей спиной. Как-никак, а все-таки его собственность, и негоже было загонять до смерти принадлежавшую ему рабочую скотину...

Наступила зима. Поредевшая с уходом большинства семейств орда из-за нерасторопности вождя, не давшего вовремя сигнал к началу кочевания, с немалым трудом пробивалась на юг.

Черные округлые юрты, установленные на больших деревянных повозках, нервно подрагивали на кочках, противно скрипели.

Их, задыхаясь от напряжения, тащили за собой запряженные в два ряда волы с мощными шеями. Слежавшийся и утрамбованный ветром наст скрипел под их тяжелыми копытами и огромными колесами.

У тех сородичей, что победнее, в двухколесные, самого разного обличия крытые повозки впрягли лошадей.

Дорога, вернее, что-то, отдаленно напоминающее дорогу, постоянно и причудливо петляло, уходило влево, вправо. Холмы то приближались, то снова уходили в сторону, забегали назад. Издали они напоминали собой изогнутые рога чудовищных баранов.

Порой брошенный далеко вдаль взгляд различал на безбрежной равнине острые холмы, а рядом с их тропой не виднелось ни деревца, ни камня. В душе у Алан-Гоа поселилась тоска.

Дни, похожие один на другой, тянулись своей чередой...

Кочевые кибитки, мерно покачиваясь, неспешно проплывали мимо иссеченных ветром каменных отрогов, уныло почерневших от времени, величественно спускались в широкие долины с промерзшими до самого дна ручьями. Вдоль берегов высились заporошенные снегом кусты.

Рядом в вековом беспорядке громоздились огромные валуны и каменные статуи-колонны, изваянные самой природой из песчаника, податливого времени. Их угрожающе-мрачные силуэты отражались в небольших замерзших озерцах, чем-то похожих на разбитые зеркала.

Иногда, крайне редко, в сером и тусклом небе появлялись одинокие ястребы или другие хищные птицы.

Даже сильный ветер и тот старался приглушить свои порывы. Он, гонимый вперед своей предначертанной свыше Вечной неизбежностью, устало и обреченно перекачивался через неподвижно застывшие в уснувшем от стужи времени скалы, холмы и долины, вяло скользил по заснеженной земле подобно огромной тени неотвратимой судьбы.

Покачивающиеся кочевые кибитки медленно появлялись из земных впадин. Они грохотали и наклонялись, с трудом взбирались на крутые возвышенности. Поредевшая орда неуклонно двигалась вперед, на своем пути неустанно и упорно преодолевая любые препятствия.

Время от времени на бредущую по степи орду обрушивались злые снежные бури. Они покрывали тонкой ледяной коркой стенки кибиток, оглобли и деревянные колеса, слепя быков и волов, лица кочевников.

– Гей! – наводящая смертельную тоску непогода на время отступала, и тогда Алан-Гоа садилась на лошадь, скакала по степи.

Осадив коня, женщина подолгу наблюдала за небом размытого серо-голубоватого цвета, где слой за слоем собирались облака, и их нижний край в солнечном свете искрил и серебрился. Под робкими лучами проглянувшего светила оттаивала скудная растительность, и ее с жадностью поедали стада овец и коров, лошади, волы и верблюды.

Чем дальше продвигались на юг, тем меньше становился снежный покров. Глубокие лощины, неровные, извивающиеся змейкой, насквозь продуваемые всеми ветрами, могли удерживать снег лишь на самом дне.

Все чаще кочевники натыкались на давно разоренные, брошенные оазисы. Они кочевка за кочевкой, шаг за шагом продвигались вперед, предчувствуя скорое окончание своего изнурительного пути, старались всемерно ускорить движение.

– Жутко! – иногда издали доносились ужасающие, леденящие душу завывания волков, и детишки пугливо жались к матери, страшась голосов дикой, бесконечной и непознанной им Вселенной.

С самого первого длительного путешествия из рассказов Добун-Мергена, когда они вдвоем ночами подолгу засиживались у входа в юрту, Алан-Гоа знала, что вскоре им предстоит встреча с другими племенами, так же, как и они, следующими на полуденное солнце.

Спасаясь, уходя от лютых холодов, все они добирались до пастбищ к северу от песков пустыни Гоби, и пока еще всем места хватало.

Люди думали, что пастбища настолько велики, что хватит на всех, поэтому относились к другим кочующим ордам вполне спокойно, не проявляя особой враждебности. Следуя своей

природной сущности, степняки в трудные времена сбивались, как дикие звери, в огромные стаи, чтобы выжить вместе с остальными, на время забывая о вражде и распрях. Того настоятельно требовали суровые условия их жизни...

Вместе со своими сверстниками, мальчишками из других племен, Бугунотай и Бельгунотай под присмотром старших ловили рыбу.

По утрам и вечерам им всем приходилось проламывать лед на реках, чтобы получить хороший улов. Бывало, монголы делились своей едой с людьми из других орд. Доводилось им часто по случаю заключения смешанных браков устраивать и совместные пиры.

– Оп! – молодые воины с присущими их возрасту горячностью и задором выясняли, кто из них сильнее, всю красуясь перед девками.

– Гей! – ощущение того, что они и на этот раз счастливо избавились от нависшей над ними всеми опасности, добавляло остроту и сочность шумному веселью и пирам.

В местах, куда они пришли, в плодородных долинах между реками Онон и Керулен, зимы считались относительно мягкими, а отощавшему за время перехода скоту хватало подножного корма.

Род и племя Добун-Мергена всегда считали своими пастбища, простирающиеся к востоку солнца от Бай-Куля (Богатое озеро – Байкал), как называли его многочисленные татарские племена, или Далай-Нора (Святое море), названное так племенами монголов.

В этих обширных степях охотники могли промысливать дикого зверя. Но жизнь и тут была нелегкой, и порой, когда скота в стадах оставалось мало, кочевникам приходилось месяцами питаться высушенным впрок творогом, поджаренным просом и кумысом.

Охотники уходили далеко от стоянки, спали в снегу, не разжигая костров, чтобы взять хоть какую-нибудь завалившую добычу.

Надоевшая всем зима близилась к концу, и ближе к весне отношения между племенами начали обостряться. Все чаще стали происходить жаркие стычки, которые нередко завершались кровавыми побоищами.

И тогда молодые и даже старые воины стали поочередно проводить бессонные ночи, сторожа орду от внезапного нападения или, наоборот, собираясь в отряды, чтоб под покровом темноты угнать заблудившийся или же плохо охраняемый скот соседей. Иногда в дерзких походах и вылазках кочевники по несколько дней не видели никакой пищи, самые слабые гибли от голода и холода.

Но, несмотря на все это, Алан-Гоа видела, что наступившей весной жизнь, как и сама природа, стала меняться к лучшему. Кобылы, овцы, коровы отъедались на проступившей из прогретой земли зеленой и сочной траве. Они приносили жеребят, телят и ягнят, начинали давать больше молока. И тогда сородичи обжирались до отвала.

Немного времени спустя, начался долгий путь на летние пастбища. Он был не столь тяжок, и люди чувствовали себя намного веселее.

Семейство Добун-Мергена честно разделяло все трудности, лишения и голод со всеми остальными сородичами. Но самим воинам в этой нелегкой жизненной ситуации было полегче. Они питались лучше. От их силы и выносливости в эту самую пору напрямую зависело само существование всех членов их немногочисленного рода.

При возможности и те женщины, что ждали рождения ребенка, тоже могли получать дополнительные куски. Однако они обычно вместе с остальными и детьми могли только доедать то, что осталось в котелках после мужчин.

И время, когда начиналась весенняя перекочевка, становилось для всех без исключения монголов счастливым. Восстанавливались, было, на время прервавшиеся дружеские отношения с соседними племенами.

Жестокий голод безжалостно вытравлял хорошее из человеческих душ, уничтожал любовь, терпимость к ближнему и дружбу.

И его при первой же возможности с безудержной радостью и без всякого сожаления топили в бурных потоках свеженадоенного молока, и он оказывался подмятым под копытами новорожденных жеребят, телят и ягнят!

Почувствовав прилив свежих сил, воины, ощущая себя живыми и обновленными, изнывая, томились от жара поднимающейся внутри их похоти и начинали охотиться за женщинами из чужих племен и родов.

Ликуя, они возвращались в орду, а позади них в седлах, размазывая по перепуганным личикам слезы, безудержно рыдали пленницы.

Но обычно подобные дикие выходы не приводили к жестоким и сколько-нибудь серьезным ссорам с соседями. С незапамятных времен для продолжения рода женщины нужны были сильным мужчинам, а, как давно уже известно, победителей не судят.

Как правило, все вскорости улаживалось миром. И юные женщины быстро успокаивались, понимая, что если их желают, рискуют ради них, сражаются за них, пытаются украсть, значит, они стоят того!

И они покорно смирялись со своей неизбежной участью, понимая, что самой природой им уготована судьба стать безропотной вещью мужа-воина, стать матерью его детей.

Наконец-то, приходило понимание и осознание того, что и на этот раз благополучно закончилась казавшаяся поначалу бесконечной зима сияющих алых заходов солнца над замерзшими зеркалами озер и безраздельной белой пустыни. И звезды начали светить мягче, и луна казалась теперь радостно светлой.

По пути к летним пастбищам Алан-Гоа с интересом наблюдала красные стены и скалы на фоне темно-синих небес, удивлялась рекам, их «кровавым» водам, густо-густо окрашенным растворенными в них частичками глины. Куда ни посмотри, повсюду травы и кустарники сияли всеми оттенками яркого зеленого нефрита. В пустыне расцветало бесчисленное количество цветов.

– Ох! – подолгу Алан-Гоа могла следить за тем, как под ласкающим дыханием свежего и теплого ветерка низко пригибались к вскормившей их матушке-земле и поднимались, разгибались снежно-белые цветы.

И колыхающиеся синие, голубые, розовые и золотистые лепестки волнами взлетали над каменистым плато, подобно стайке причудливо разукрашенных бабочек, мягко устилали землю ярким ковром.

Убегая от резко навалившейся зимы, торопились. Назад же, к себе домой, возвращались неспешно, давали стадам вволю подкормиться на сочных лугах. Никто не торопился. Степной воздух дышал весной.

– Ох! Ох! – частенько по вечерам темнеющее сине-фиолетовое небо разрывали на части ослепительные вспышки молний, и тогда женщине казалось, что вся земля трепетала и дрожала от перекатывающегося из края в край, многократно повторяющегося эха грома.

Пережившие суровую зиму растения, от жестоко изуродованных и безжалостно обглоданных скотом кустов и пробившейся к свету и теплу жесткой травы пустыни Гоби и до густой травы и ярких цветов в речных долинах и на горных отрогах, казалось, на глазах предавались безудержной оргии жизни.

Порой женщине даже чудилось, что в колеблющемся воздухе явно раздавалось хорошо слышимое шуршание быстрорастущих растений. Они упорно пробивали толстую и плотную земляную корку. Иногда казалось, что трава прямо на глазах выросла до самих колен.

– Хоп! Хоп! – походные кибитки монголов с откинутыми входными пологами плыли по цветущей пустыне, покачивались, колыхались, скрипели и подпрыгивали, двигаясь по безбрежному зеленому морю.

Теплый ветер нес с собой, порывами бросал в лицо манящие запахи. Не часто, но все же на землю падали сверху плодородные дожди.

И крупные капли с силой вонзались в нее, как тонкие серые копья, временами они превращались в плотные непроницаемые стены.

После таких упоительных дождей природа продолжала свое буйство. От пахучих пряных запахов можно было потерять сознание.

По ночам костры незаметно становились центрами безудержного и безрассудного веселья, и воины, и простые пастухи громко пели задорные песни и сами тут же хохотали.

Кто-то в кругу рассказывал, а потом и сам внимательно выслушивал невероятные истории и легенды...

Возвращаясь к реке Онон, Алан-Гоа ждала одной встречи. Никому она об этом никогда не говорила, но сердце ее всякий раз волновалось.

Среди красных скал и колонн нерукотворных храмов, высеченных безжалостно секущими ливнями и завывающими ветрами из громады камня, тоже красных, как кровь, она с всевозрастающим нетерпением высматривала высокий гранитный холм серо-стального цвета.

На жгуче-синем ослепительной чистоты небе скала напоминала профиль спящего великана, что, должно быть, как-то уснул в давние незапамятные времена и никак не мог проснуться. Темное лицо его, обращенное к ветрам и бурям, неподвижно смотрело в небеса.

В застывшей его вечной позе женщина видела нечто ужасное и даже отвратительное. Эти скалы напоминали дух пустыни, дух неотвратимой судьбы и неизбежной смерти. В голову приходили мысли о том, что эта застывшая каменная глыба, это нечеловеческое создание погружено в вечный сон, который когда-нибудь, время от времени прерывается.

И Оно пробуждается через многие сотни веков и с накопленной внутри себя и не выплеснутой наружу злобой посматривает на мир и, сполна изрыгнув из себя всю свою лютую злость и всю поистине нечеловеческую жестокость, снова погружается в свой сон.

И терпеливо ждет своего часа, того самого момента, когда на земле родится тот, кто соберет в единый кулак всю мощь Великой степи.

И что-то говорило женщине, что она сама будет причастна к этому, что именно из ее лона выйдут те, чьи потомки станут великими ханами над всей необъятной степью. Пока еще это ею самой неосознанное чувство притаилось где-то в самых потаенных уголках ее сознания...

Увлеченный чтением, Улугбек неуклюже двинул рукавом, зацепил на столике. Оно с грохотом упало на пол, зазвенев, покатилося по полу.

Суюм очнулась от дум, глянула на детей, склонившихся над ученым трактатом, в написание которого и она вложила часть своей души.

А как же иначе, если она сама принимала самое непосредственное участие в устройстве их государства. Если даже не больше того, когда ее брат для сохранения единства державы кинул на заклание, выдав без ее согласия замуж за Махмед-бека, владетельного князя земли Сувар, яркого противника эмира, после чего злейшие враги примирились или, по крайней мере, делали вид, что отныне они живут в мире...

Айша, сидевшая рядом со своим названным братом, не удержалась, прыснула в кулачок, острым локотком ткнула мальчишку в бок, чем привела его в еще большее смущение.

Улугбек густо покраснел, кинул исподлобья взгляд на эмира, но, не заметив на его спокойном-умиротворенном лице ни капельки и ни тени какого-либо осуждения или проявленного недовольства, успокоился, сжал пальцы в кулак и из-за спины показал его своей названной сестре.

За всей этой веселой и забавной суетой, устроенной Айшой и сыном Ахмеда-бека и Насимы, очень внимательно наблюдала та, для кого дороже этих детей на свете никого не существовало. Вдоволь на них обоих налюбовавшись, Суюм снова прикрыла глаза и вызвала перед собой картины давно ушедшего времени...

Глава VI. Рыжий пес

Вдоль берега желто-серой реки, устало прихрамывая, тяжело опираясь на деревянный посох, брел одинокий путник.

По его унылой походке, по всему его внешнему виду читалось, что он сильно устал. Устал от бессмысленных странствований по свету.

Устал он жутко и порой до самого полного омерзения и от самой бессмысленности всей его жизни. Почти пусто было в его котомке, совсем пусто было у него на душе.

Еще накануне он сгрыз последний сухарь. Ставший уже привычным, извечный спутник, голод, подступал, скребясь в слипшемся желудке, но он привычно не обращал на него внимания.

Впереди показалась темная посреди окружающей ее желтой степи гора, и он шел к ней, наверняка зная, что найдет там жилища с людьми.

А там, где люди, там еда и кров над головой. На день, на два-три по вековым законам степного гостеприимства, а потом снова в путь.

Может, ему повезет, и он найдет себе временное пристанище хотя бы до начала следующей весны. Переживет в относительном тепле зиму, суровое дыхание которой еще только-только становится слышно в потянувшихся с полночи заунывных ветрах.

Не успеешь оглянуться, как они, окрепнув, принесут с собой белые хлопья колючего, больно кусающегося снега...

Кинув задумчивый взгляд на реку, странник захотел освежиться перед тем, как отвернет от ее вод. Долго-долго плескался он, находя себе успокоение, тщательно выстирал свою одежду.

Не дожидаясь, пока окончательно не просохнет она под палящим солнцем, полусырую накинул ее на себя.

На невысоком, издалека и вовсе неприметном холме неподвижно застыли два всадника. Напряженно всматривались в расстилающееся внизу бескрайнее море пустынной степи с выцветшей, жухлой травой.

Мохнатые лошадки щипали сухие стебли, недовольные их вкусом встряхивали головами, потом привычно продолжали щипать, наверное, понимая, что лучшего корма в эту пору им уже не найти...

Заметив приближающегося к ним вдоль берега реки путника, воины выждали, дали страннику подойти ближе и только тогда пустили своих верных коней вскачь. Огласили до того молчаливую степь громкими гортанными криками, заранее предупреждая о своем приближении, давая, видно, забредшему в их края незнакомцу столь необходимое время, для того чтобы он насквозь пропитался страхом.

Ловко брошенный умелой рукой аркан с широкой петлей затянулся не на шее хромого, а на его груди, захватив в свои режущие объятия руки чуть ниже плеч. Натягивая волосяную веревку, нукер дернул ее на себя, и путник, не удержавшись на ногах, упал лицом в землю, вдоволь наглотался открытым ртом измельченной пыли, несколько шагов прокатился на брюхе. Вскоре натяжение аркана ослабло, но он так и остался лежать неподвижно, выжидая и не спеша подниматься.

– Кто ты? – лошадиные копыта, нависая над ним, ступили в опасной близости от его лица.

– Я одинокий куст, – не поднимая головы, глухо забормотал калека, – перекасти-поле, гонимый своей несчастной судьбой...

Вовсе непривычные к столь витиеватому стилю разговора, степняки недоуменно переглянулись.

– Как твое имя? – один из них, перегнувшись с седла, ловко ткнул незнакомца тупым концом копья, заставив того резко дернуться и развернуть голову в их сторону. – Какого ты роду-племени?

– Зовут меня Атульген. Откуда родом... не знаю.

– Ты беглый раб и тебя ищут? – воин подозрительно прищурился. – Скажи, от кого и куда ты бежишь? – перевалив ногу, ловко соскользнул он с седла на землю и, распахивая на путнике одежду, довольно бесцеремонно обнажил поочередно его плечи, но тамги, указывающей на принадлежность раба тому или иному хозяину, не нашел.

– Я свободный человек! – странник гордо вздернул подбородком, и в его светлых глазах зажглась презрительная улыбка. – Я никому не служу, пес хозяйский! – сторяча бросил он, негодуя по поводу того, что его почем зря изваляли в пыли, вдоволь заставили наестся земли.

Понимал путник, что нельзя злить воинов, от которых ныне зависит вся его дальнейшая судьба, но в который уже раз, за что потом жестоко себя поругивал, не смог он пересилить свою натуру.

– Ублюдок! – воин наотмашь хлестнул его плеткой и больно ожег вовремя подставленное здоровое плечо. – Ты пожалеешь, что родился!

– Оставь его, – вполне миролюбиво произнес второй воин. – Он уже наказан самой судьбой, – лицо его брезгливо передернулось, – за свой чересчур болтливый язык, на котором выросли ядовитые колючки.

Обозленный нукер зло прошипел:

– Надо вырвать из него змеиное жало! Чтобы впредь было неповадно болтать им все, что ни попадя...

– Мы отведем его к нашей госпоже. Она сама рассудит, – резонно заметил неожиданный защитник калеки. – Давай, пошевеливайся...

Пойманного в степи хромого бродягу привели в аил, подтащили к одиноко торчавшему посреди небольшого ровного места, вкопанному в землю столбу, приковали к цепи.

Грустная усмешка, наполненная граничащей с сарказмом иронией, скользнула по побледневшим от волнения щекам и затухла на скулах.

Начало жизни на новом месте вышло многообещающим. Но он все ж не терял надежды на более-менее благополучный исход.

И не в таких переделках приходилось ему побывать, и всякий раз, благодаря своему изощренному уму, он как-то умудрялся выбираться из жизненных передряг. Заметив возле себя чьи-то любопытные глазки, он ловко извлек из-за щеки припрятанную на всякий случай серебряную монетку и жестами поманил девчушку к себе.

– Хочешь, – прошептал он одними губами, глядя совсем в другую сторону, – она станет твоей?

– Хочу, – моргая удивленными глазками, ребенок непосредственно улыбнулся и живо потянулся своей грязной ручонкой с изгрызенными ногтями к тускло поблескивающей на солнце денежке. – Дай!

Подразнив девочку, Атульген припрятал монетку и тихо спросил:

– Скажи, как зовут вашего вождя?

– У нас нет вождя... – детские губки расплылись в улыбке.

– Это как? – левая бровь странника удивленно изогнулась. – Как же вы живете без вождя?

Совсем нестати подумалось ему, что прелестное дитя в силу своей неразумности что-то путает. Или же он ошибся и начал свои расспросы у ребенка, у которого не все в порядке с головкой?

Плакала его денежка...

Сверкнув не по годам смысленными глазенками, дитя рассказало:

– У нас имелся вождь. Звали его Тороголчжин...

Прищурившийся странник внимательно слушал и запоминал. В том, что девчушка говорит правду, он особо не сомневался. Она не достигла еще возраста, когда собственные фантазии бегут быстрее языка того, кто видит перед собой возможность заработать быстро и легко.

– Потом нашим вождем, – видя перед собой весьма благодарного слушателя, наивное дитя пустыни, решившее поделиться всеми своими знаниями, переведа дух, продолжило, – стал после его смерти Добун-Мерген. На охоте он упал с лошади и сломал себе хребет...

А вот это место показалось хромцу странным. Чтобы кочевник, всю свою жизнь проводивший на коне, вдруг упал с него? Этому случаю обязательно должно было что-то предшествовать.

Но он пока не стал уточнять, может, придет еще время, и он узнает. Может, знание это ему и вовсе в этой жизни уже никак и не пригодится за полным вскорости отсутствием таковой...

– А теперь, – дитя глубоко вздохнуло, может быть, жалея своего незадачливого вождя, – всем управляет наша госпожа Алан-Гоа.

– Женщина? – калека удивленно присвистнул, почему-то позабыв о том, что нукеры грозились отвести его именно к какой-то госпоже, но он тогда не придавал тем словам большого значения, выходит, что зря.

– Ага, – девочка согласно кивнула головой и снова протянула свою ручонку. – Дай, я все тебе сказала.

– Держи! – извлеченная из тайника монетка засверкала на кончике его шершавого язычка.

Словно бы стрела, спущенная с туго натянутой тетивы, в воздухе мелькнули грязные пальчики, сорвав заслуженную награду, и худенькая тень девочки, весело смеясь, скрылась за ближайшей юртой. Тень от тяжелых раздумий опустилась на лицо странника. Женщина...

Это было так неожиданно. Это могло ему сулить большие проблемы. Порой с мужчиной говорить было намного легче. Вождем мог быть и простак, и просто глупец, занявший высокое место исключительно по своему рождению. Таковое положение многих его сородичей часто устраивало, и они, сговорившись, правили от его имени.

Но глупая женщина родом управлять никогда не будет, если только за ее спиной не стоит кто-то очень хитрый и изворотливый, что тоже ничего хорошего ему не сулило...

Словно в насмешку над пленником, а скорее, издеваясь над ним, тот, кого он обозвал верным псом своего хозяина, стянул с калеки грубый плащ с капюшоном, который служил надежной защитой от непогоды и от нестерпимо палящего зноя, кинул одежку в двух шагах.

Вытянув ногу, Атульген попытался зацепить ее носком кожаного, стоптанного до крайней степени, когда-то очень добротного сапога из мягкой телячьей кожи, но ничего не вышло. Только сил на все много зря потратил. Двигаясь вокруг столба, пленник вполз в его узкую тень, но она оказалась столь коротка, что он весь не уместился.

Солнце, безжалостное и равнодушное ко всему происходящему на бренной земле, стояло в своей величественной гордыне столь высоко, что все тени прямо на глазах укоротились... столь же стремительно, видно, укорачивалась и его никчемная жизнь...

Сгорбленная старуха, подслеповато щурясь, выползла из убогого жилища. Она долго смотрела, но, так и не разобравшись, кого привязали к цепи, вытянув свою скрюченную руку, на всякий случай сплюнула, прошла мимо, глухо бормоча то ли заклинания против злых Духов, то ли посылая проклятия на голову пойманного врага.

В том, что это враг, сомнений не было. Несмотря на ослабевшее с годами зрение, она остро учуяла в нем чужака. В отличие от всех ее сородичей от того, на чьей голове росли рыжие волосы, невыносимо не воняло. Но их вонь стала привычной. С ней они все сроднились. Она

стала их непосредственным атрибутом. Они даже не представляли свое существование без нее. Они все воняли на один лад. Рыжий чужак не вонял, и точно также не воняло и от их госпожи.

– У-у-у! – злобная гримаса искадила испещренное глубокими морщинами лицо старухи.

Она ненавидела Алан-Гоа. Если бы Тороголчжин не просватал бы для своего сына Добун-Мергена эту гордячку, то чужачка никогда бы не стала их госпожой, ковырялась бы вместе с ними в коровьем навозе, может, прислуживала бы сейчас ей, Гюрзе.

Но самые сильные приливы злобы вызывали воспоминания о том, что эта Алан-Гоа вольно или невольно помешала, расстроила свадьбу ее внучки с сыном вождя соседнего с ними племени.

Не повезло им тогда, как кое-кому. А то сейчас бы у нее была своя роскошная юрта из белого войлока, несколько служанок-рабынь. И остаток своей жизни она смогла бы провести в приятной праздности...

И вот черная зависть к чужой удаче и жгучая обида за собственное невезение сжигали ее изнутри, раньше времени состарили. Гонимая злобой и ненавистью ко всему чужому, карга заковыляла к жилищу шамана, надеясь найти у него понимание и поддержку.

– Чего ты притащилась, старая? – колдун недовольно повернулся к вошедшей женщине, заслоняя собой разложенные на куске чистой материи засушенные травы и корни. – Говори, Гюрза, и уходи...

Не нравилось ему, и страшно не любил он, когда кто-то посторонний подсматривал за ним во время подготовки к проведению обрядов.

Никто не должен знать, что он использует во время своих сношений с обитателями Синего Неба.

– Воины чужака поймали. А ты говорил мне, что ищешь жертву...

– Чужака поймали? – колдун потянулся носом в ее сторону.

– Да, – Гюрза кивнула головой. – Хорошая жертва из него выйдет.

Хитрая старуха, подстрекая шамана, преследовала двойную выгоду. Если пленника принесут в жертву Небесным Богам, то ее черная душа получит временное успокоение. Если же Алан-Гоа не внимет доводам разума и не послушается шамана, то у противников ее появятся лишние основания, чтобы вскоре обвинить гордячку в том, что она не уважает древние обычаи их предков, плюет на все не ею самой придуманные законы. А подобная гордыня никому не прощается.

Ничего, час торжества для нее, Гюрзы, еще настанет. Не зря же ее прозвали змеей. Она выждет нужный момент и смертельно ужалит.

– Где его держат?

– Его привязали к столбу...

Шумная стайка с пронзительными взвизгами и криками вывалилась на площадку возле столба и, оторопев от неожиданности, рассыпалась на десяток чумазных ребятишек, возрастом от трех и до семи лет. Чужак, привязанный к позорному столбу, привлек их всеобщее внимание. Кто-то исподтишка, прячась за чужие спины, кинул в странника слипшийся навозный комок. Кусок коровьего помета метко попал в лицо пленника, и он покривился, недовольно сдвинул рыжие брови, грозно прикрикнул.

Его демарш чуть-чуть напугал детвору, но не настолько, чтобы она разбежалась. Второй комок полетел с большей силой. В ответ снова послышалось грозное рычание хромого. Подобная занятная затея, за исключением его самого, вне всякого сомнения, всем понравилась.

– Грязное отродье, – глухо проворчал он, низко наклоня голову под градом полетевших в его сторону комков.

Появившиеся воины какое-то время заинтересованно наблюдали за открывшейся их глазам веселой потехой и только потом двумя-тремя окриками быстро разогнали разошедшихся не в меру детишек.

– Пошли, тебя ждет наша госпожа...

Бросив важные и неотложные дела, шаман заспешил к позорному столбу, но пленника не застал, круто повернул и торопливо зашагал.

Гюрза, задыхаясь, едва поспевала за ним. Но не зря она страдала, пришли они как раз вовремя. Странник стоял перед Алан-Гоа.

С мстительной улыбкой старуха обнюхала перепачканного с ног до головы пленника и довольно ощерилась:

– Нынче от него воняет не меньше, чем от нашего народа...

Заранее не посвященные в ее коварные мысли сородичи изумленно обомлели от странных слов, тупо глядя друг на друга, поначалу робко заулыбались, а потом начали громко и без удержу хохотать.

Они все смеялись, пока по их смуглым щекам не потекли слезы. Развеселившиеся воины громко хлопали по спинам друг друга. Детвора пронзительно визжала, радостно подпрыгивая и суча ножками, даже не понимая, в чем сама причина охватившего всех безудержного веселья.

Зараженные всеобщим приступом смеха женщины тоже вскрикивали и захлебывались. Поначалу настороженно примолкшие собаки вторили своим хозяевам. Они в тон разразились невыносимым лаем, испуганно заржали кони, забили копытами...

Не смеялась лишь одна Алан-Гоа. Гордо выпрямив спину, она стояла чуть впереди своих воинов и с крайне плохо скрываемым напряжением смотрела на происходящее безумие.

Она никак не могла понять, откуда этакое скопление народа, что тут делает шаман, которого в такое время не выгонишь из его шатра.

Даже мерзко-противная Гюрза и та не поленилась, притащилась. Не укрылось от нее и то, что люди из их рода, скорее всего, ребятишки, успели изрядно поиздеваться над бедным странником.

Алан-Гоа даже поймала себя на промелькнувшей жалости к этому человеку. Пока все вокруг смеялись, женщина постаралась внимательно осмотреть его. Лицо пленника явно не принадлежало к их народу.

Большие голубые глаза. Его следовало бы назвать красавцем, если видеть только одну его, несмотря на все его униженное положение, все же гордо посаженную голову...

Когда смех поутих, Алан-Гоа спросила:

– Кто ты, откуда пришел?

– Зовут меня Атульген, – размеренно ответил хромой. – Пришел я к вам издалека. Много разных людей повидал. Твой народ понравился мне. Он умеет хорошо смеяться. Так заразительно смеются только дети и те, кто не держит за пазухой зла...

«Он неплохо сказал, – подумала Алан-Гоа, не спуская со странника своих испытывающих глаз. – Но он или ошибается или хочет сказать мне приятное про мой народ».

– Позволь мне, госпожа, жить в твоей великой орде и породниться с твоим народом.

– Кому ты, убогий, нужен! – донесся презрительно-насмешливый выкрик. – Скажи, куда надо смотреть, чтобы взять тебя к себе в дом?

Заявление вызвало новый взрыв оглушительного смеха. Разве только косая на хромца позарится, да и то, если окажется слепа на оба глаза.

– Что скажешь на это, чужеземец? – Алан-Гоа чуть-чуть прищурила левый глаз, ожидая ответа, от которого зависело многое, если не все.

Уловив в ее голосе завуалированное желание не столько помочь, сколько хотя бы попытаться понять и выслушать его до конца, Атульген придал своим словам должествующую проныжничью ноту:

– Не смотри, госпожа, что я калека. Мне ведом язык народов Китая. Я знаю хитрые проделки любого вора-разбойника тюрка из Хорезма. Одного лишь взгляда мне достаточно, чтобы распознать ложь и вывести обманщика на чистую воду...

– Что еще умеешь ты? – в женских глазах вспыхнул интерес.

– Я могу торговаться не хуже, чем найманы...

Пленник ничуть не лукавил. При желании он сумеет не хуже их сторговаться, купить задешево нужную в хозяйстве вещь или же весьма дорого сбавить на сторону никому ненужную безделушку.

– Я умею мастерить прочные щиты и конскую упряжь. Могу еще починить любую застежку и выковать подобную. Писать по-китайски и по-уйгурски. Я был внутри Китайской стены и знаю много разных и полезных вещей. Мое тело немощно, но могу во многом пригодиться...

– Не слушай его, госпожа, – обронил шаман. – Он принесет всем нам несчастье. Посмотри на него. Злые Духи сидят в нем. Они крютят его!

И вдова Добун-Мергена тут поколебалась. Как и все ее сородичи и соплеменники, она была суеверна, хотя и до крайности никогда не доходила, умела разумно отделять созданное их жизнью необъяснимое от творимого самими людьми.

Но она пока не знала, к какому ей прийти решению. В хозяйстве всегда пригодится умелый ремесленник. Такой человек им нужен.

Почувяв обостренным нюхом прожженного интригана все колебания и сомнения женщины, шаман подступил к ней и торопливо зашептал:

– Госпожа, тебе известно, что наш скот гибнет от странной болезни. Тебя и саму гнетет неведомая болезнь. Прогневающимся на нас Духам Синего Неба требуется жертва...

Уголки красивых женских губ неприязненно покривились. Алан-Гоа сразу сообразила, куда дует ветер из уст шамана. Правда, в его вещания она и раньше сильно-то не верила, а с какого-то времени и подавно.

– Жертва говоришь? – для вида засомневалась она.

– Да-да, жертва, – шаман, поддавшись на ее уловку, обрадовался, закивал головой. – Человеческая жертва. Вот она, стоит перед тобой, моя госпожа! Духи требуют от нас именно человеческой жертвы! Они сами и послали к нам чужеземца, указали нам на него...

Остро ненавидя шамана и понимая, что тот задумал, Атульген понял, что собственная жизнь его повисла на волоске судьбы, ничего не стоит.

Видел он и то, как сомневалась госпожа, как взволнованно – не за его ли горькую судьбу? – вспыхнули ее дивные глаза.

Но рядом с ее прекрасным лицом зловеще маячил широконосый лик шамана с обиженно опущенными уголками губ, что само по себе уже не предвещало ничего хорошего.

Настороженно поводя головой, странник ловил на себе хитрые, полные подозрительности и злобы взгляды воинов. После первых же слов шамана они перестали улыбаться, угрожающе сгрудились вокруг него, все больше окружая его тесными рядами.

Атульген сознавал, что вся его жизнь теперь зависит только от него самого, от его ума и умения находить самые нужные и доходчивые до людского разума слова. Он понимал, что ни в коем случае не должен показать им своего страха, и, собрав волю в кулак, насмешливо, хотя внутри у него все колотило и дрожало, произнес:

– Его высокое святейшество шаман! Мне неизвестно, что ты шепчешь своей госпоже, но уверяю тебя, госпожа, что он дает тебе дурной совет. Тех воинов, кто слушают речи шаманов, они напрочь лишают мужества. Вглядитесь, у них души шакалов. Они трусливы. Они опасаются меча, а потому они пользуются своим глупым и невежественным колдовством. Посмотрите-ка на его безобразное и отвислое брюхо. Оно растет от обильной еды, от мяса животных, которых он сам не смог поймать, сам на охоте не убивал. Они вдоволь пьют кумыс и молоко, хотя руки их не могут подоить кобылу. Они любят сладко спать с женщинами, которых не взяли в бою, не купили и даже не смогли украсть...

По учатившемуся дыханию тяжело засопевших людей странник осознал, что угодил в самую точку.

Находчивость и на этот раз сослужила ему добрую службу. А еще его неплохое знание жизни и обостренная наблюдательность.

В самом деле, воины тайком недолюбливали своего шамана. Они терпеть его не могли из-за того, что он с плохо скрываемой похотью в своих бегающих маслянистых глазках смотрел на их жен в то время, когда они все промышляли добыванием пищи для своих семей.

По айлу ходили упорные слухи о том, что тайком бежали в жилище шамана, где тот колдовал и заклинал Духов, а на свет появлялись дети, зачатые иными женщинами, видимо, от Святых Духов в то время, когда их мужья находились в длительных отлучках.

– Посмотрите, люди, – чувствуя, что симпатии воинов потянулись в его сторону, путник с еще большим вдохновением продолжил свою обличительную речь. – Сердце у них подобно сердцу верблюда, и живут они за счет изощренной хитрости и подлых уловок. Они постоянно пугают вас, чтобы вы в страхе прислуживали им...

Багровея от ярости, шаман с ненавистью уставился на странника. Будь его воля, он бы, ничуть не раздумывая, уничтожил калеку. Но все зависело от того, что ответит госпожа.

– Я подумаю, – Алан-Гоа решила взять небольшую отсрочку. – Я скажу о своем решении завтра.

Получив молчаливое указание одним движением гордого женского подбородка, подталкивая странника в спину кончиками копий, воины отвели его на площадь и снова привязали...

В крохотную юрту, в которой ютилась немая девушка по имени Юшей, пробралась девочка и с улыбкой на довольном личике показала, разжав доселе крепко сжатую ладошку, серебряную монетку.

– Кто дал? – скупыми, но очень выразительными жестами спросила Юшей. – Где взяла?

Она сама вместе с младшей сестренкой, которую Юшей сильно любила, придумала для себя свой язык пальцев. И никто, кроме их двоих, его не смог бы понять. При необходимости они этим с успехом пользовались. Но никому другому об этом не рассказывали и даже вида не подавали о том, что младшая сестренка неплохо разбирается в том, что втайне от всех сообщает ей старшая сестра.

– Рыжий хромой, что сидит привязанным у столба.

– Ты что-то рассказала? – Юшей, немного напуганная, жестикулируя пальцами, укоризненно покачала головой. – Нельзя же быть наивной и непосредственно откровенной с первым же встречным...

– Он хороший, – девочка смущенно потупилась.

– Ну-ка, расскажи мне все, что знаешь и видела...

Бегло перекинувшись с сестренкой парочкой-другой фраз, Юшей отправилась к госпоже, присела возле нее, отчаянно зажестикулировала.

Двумя пальчиками показала, как издалека к ним шел человек, как его качало от усталости, как сильно он голоден. Тяжело вздыхая, она схоже изобразила, как его, беззащитного, схватили и привязали к столбу.

– Ты хочешь, – догадалась Алан-Гоа, – чтобы его освободили?

Заулыбавшись, девушка согласно кивнула головой.

– А если он убежит?

В ответ Юшей замахала руками, словно отгоняя ими назойливых мух. Пальцем показала, что тому, кто с трудом приволакивает ногу, далеко не убежать, в степи от конного не уйти...

– Возьми нукера, пусть он приведет хромого...

После недолгой паузы Алан-Гоа добавила:

– И посадит его у входа под охраной.

Несказанно обрадованная решением госпожи, Юшей выскользнула. Мелко перебирая ножками, зашпешила на площадь, дотронулась рукой она до плеча нукера и показала ему в сторону самой большой в их аиле юрты. Зная верную рабыню госпожи, воин охотно повиновался.

Впрочем, ему и самому до ужаса претило торчать на пекле...

Утолив чуть голод душистыми, испеченными на золе лепешками, Атульген обратил внимание на то, что девушка все время молчит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.